

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *THE NEW YORK TIMES*

WORLD OF WARCRAFT

НОЧЬ ДРАКОНА

Л Е Г Е Н Д Ы В Л И З З А Р Д

РИЧАРД А. КНААК

Легенды Blizzard

Ричард Кнаак

World of Warcraft. Ночь Дракона

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

Кнаак Р. А.

World of Warcraft. Ночь Дракона / Р. А. Кнаак — «Издательство АСТ», 2008 — (Легенды Blizzard)

ISBN 978-5-17-109392-1

Грим Батол... Его мрачное наследие уходит корнями в туманное прошлое Азерота, но большинству он известен как место ужасной трагедии — крепость, где подлые орки калечили и губили потомство Королевы драконов, благородной Алекстразы, превращая их в орудия войны. Конечно, отряд героев, возглавляемых загадочным магом по имени Крас, победил орков и освободил из неволи драконов, однако проклятая гора, разоренная цитадель, по-прежнему высится над просторами... Но вот Крас, известный кое-кому как красный дракон Кориалстраз, чувствует: зло Грим Батола вновь поднимает голову, вновь угрожает тому, что для него дороже всего на свете. На сей раз он полон решимости самому заступить путь злу, однако Крас даже не подозревает о поисках, что приведут в Грим Батол других, раскроют жуткую тайну, которая может не только погубить их самих, но и положить начало новой эпохе — эпохе ужаса, мрака и разрушения.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-109392-1

© Кнаак Р. А., 2008

© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	19
Глава третья	27
Глава четвертая	35
Глава пятая	42
Глава шестая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ричард А. Кнаак

World of Warcraft. Ночь Дракона

Ивлин, Мик и, разумеется, Крис, эта книга – для вас, неоценимых партнеров в создании множества сказаний об Азероте.

Пролог

Выхода не было... не было... не было...

Вокруг смыкался мрак его темницы. Ни шевельнуться, ни даже вдохнуть... Как это могло случиться? Что за подлые мелкие твари ухитрились его изловить? Грызуны, изловившие великана! Это же невозможно...

Однако так и произошло.

Хотелось ему взречь, да не вышло. Впрочем, здесь и звука-то не существовало. Безмолвие сводило с ума. Нужно освободиться! Должен же быть хоть какой-то путь к бегству...

И тут вокруг вспыхнул слепящий изумрудно-зеленый свет. С муками, с болью вырванный из заточения, перенесенный вовне, он пронзительно завизжал.

Но вскоре визг его перешел в могучий рев облегчения, смешанного с яростью, и он широко расправил великолепные сверкающие крылья. Его исполинское тело цвета морской синевы заполнило новое подземелье, в котором он оказался, почти целиком. Вдоль спины и ото лба к затылку, точно гребень, украшающий шлем полководца, вздыбились иглисто-острые, прозрачные, точно хрусталь, шипы. Огромные, мерцающие белизной сферы – скорее, жемчужины, чем глаза – оглядели просторную пещеру, полную каменных зубьев, торчащих из полукруглого свода и неровного пола.

Вот тут-то недобрый взгляд его и пал на мелюзгу, осмелившуюся – неведомо как! – поймать в ловушку его, столь могучего. Разом окутавшись полупрозрачной аметистовой аурой, он в праведном гневе взревел:

– Гнусные червячишки! Ничтожные подлые гремлины! Так это вы посмели сделать из Зераку зверушку в клетке?!

Стоило Зераку выкрикнуть все это, тело его, и без того бесплотное, сделалось прозрачнее прежнего, глаза, не мигая, взирали на небольшой отряд созданий, сумевших его изловить. Эти уродливые коротышки могли бы сойти за несколько сплюснутых дренеев, но кое-где были покрыты шерстью, а кое-где – чешуей. Броня, плащи с капюшонами, безобразные пасти полны острых зубов, глаза красны, как раскаленная лава... и явная угроза с его стороны отчего-то не внушает им надлежащего страха.

Видя все это, Зераку понял: о драконах пустоты они не знают почти ничего.

– Гнусные червячишки! Ничтожные подлые гремлины! – повторил он.

Все тело его затрепало, брызжа разрядами молний того же дивного цвета, что и он сам. Зераку поднял когтистую лапу, будто затем, чтобы стереть этих ничтожеств в порошок, и молния тут же рванулась вперед.

Странное дело: разряды прошли мимо цели, в последний момент огибая мелюзгу стороной. В то же самое время посреди лба каждого карлика на миг вспыхнула, замерцала какая-то странная руна.

Плененный дракон пустоты немедля нанес новый удар, однако на сей раз разряды молний ударили в землю вокруг его мучителей. Осколки камня брызнули во все стороны, а вместе с ними с шипением, с рыком отлетели прочь и мелкие твари. Вот так-то. Другое дело.

– Гнусные червячишки! Зераку всех вас прихлопнет, как мух!

С этими словами он призвал на помощь себе еще больше сил. На груди его вздулись проходящие крест-накрест темно-синие жилы, молнии затрепачали с удвоенной яростью.

Вдруг его левую переднюю лапу захлестнула петлей, сдавила до боли прочная нить серебристой энергии, появившаяся откуда-то сбоку.

Измученный, Зераку разом забыл о задуманной атаке. Дракон пустоты – существо из чистой энергии, и нить должна была проскользнуть сквозь него, как сквозь... сквозь пустоту!

Хотел он перекусить эту нить, но лишь получил жестокий щелчок по зубам, а лапа тем временем обвисла, обмякла, разом утратив всю силу.

Едва это произошло, на другой передней лапе затянулась еще одна точно такая же нить. Дернул Ззераку, но тщетно: тонкая волшебная нить оказалась необычайно прочна.

Тело дракона пустоты раздулось, прибавило в величине. Отчетливо проступавшие на нем синие жилы сделались почти черными, а сам Ззераку стал прозрачнее прежнего, будто растворился в тумане.

Серебристые нити вспыхнули.

Взревев от боли, Ззераку рухнул на пол пещеры – с грохотом, словно создание из костей и плоти. По камню зазмеились трещины.

Двое из крохотных тварей, провалившись в открывшуюся расселину, кувырком полетели навстречу неминуемой гибели. Остальные, не обратив на участь товарищей никакого внимания, пустили в ход еще пару серебряных нитей. По пятеро коротышек, разом ухватившихся за каждую, взмахнули зловещими токами силы, точно гигантскими бичами. Взмыв над спиной Ззераку, концы нитей безошибочно легли на пол по ту сторону его тела, а там были подхвачены и надежно пригвождены к земле маленькими камешками-изумрудами. Нити вспыхнули, и все его тело вновь опалило мучительной болью.

– Освободите Ззераку! – взревел дракон пустоты. – Освободите меня!

Новые нити заставили дракона распластаться по полу. Как Ззераку ни противился, волшебные путы крепко держали его в узде.

Чешуйчатые коротышки засуетились вокруг, прибавляя к путам новые жуткие нити, одну за другой, пока не оплели дракона пустоты чем-то наподобие кокона. Каждая нить впивалась в тело, обжигая и в то же самое время замораживая. От боли и ярости Ззераку завизжал, но, что бы он ни предпринимал, изменить положение к лучшему не удавалось.

Очевидно, сомневаясь в прочности его уз, мелкие твари продолжали лихорадочную суету, вгоняли в пол изумруд за изумрудом, без конца поправляя нити, чем нередко причиняли дракону пустоты новые муки. Один, видя его страдания, злорадно захихикал.

В этого-то мучителя Ззераку, наконец, и сумел пустить последний сгусток энергии. Окутанная черной силой, тварь заверещала в надлежащем ужасе, а магия дракона пустоты раздала пленителя в кровавое месиво, тут же и затвердевшее, превратившееся в угольно-черный кристалл.

Еще одна нить немедленно перехлестнула морду, притянув ее к полу. Как ни противился этому сверкающий исполин, его челюсти оказались связаны так же крепко, как и все тело.

Пленители продолжали шнырять из угла в угол огромной пещеры, словно бы в немалой тревоге, но мыслями, будто она хоть как-нибудь связана с ним, Ззераку больше не обольщался. Зашипев от досады (правда, стянувшая челюсти нить заглушила шипенье), он снова попробовал освободиться.

И снова все его старания пропали впустую.

Внезапно приземистые чешуйчатые твари прервали труды и все как одна уставились куда-то в сторону. На что? Этого дракон пустоты разглядеть не сумел, но сразу почувствовал приближение некоего нового существа – существа невероятно могущественного.

Вот он, его истинный пленитель...

Все вокруг в благоговейном ужасе пали ниц. Ушей Ззераку достиг легкий шорох. Пожалуй, он больше всего напоминал шелест ветра, но дракон пустоты знал: в это треклятое подземелье не проникнуть никаким ветрам.

– Прекрасно, прекрасно, мои скардины. Я вами довольна.

Этот голос, несмотря на все его женское очарование, коснулся того, что заменяло дракону пустоты душу, точно студенейший лед.

– Приказам они повинуются просто на славу, – с явным презрением к чешуйчатым тварям откликнулся второй голос, скорее, мужской. – Вот только хризалуновое узилище открыли слишком рано, моя госпожа. Зверь едва не ушел.

– Об этом не стоило волноваться. Попав сюда, ему уже не уйти.

Женский голос звучал все ближе и ближе... и вскоре в поле зрения Ззераку появилась крохотная фигурка. Бледнокожая женщина в облегающем платье цвета ночного мрака остановилась, чтоб рассмотреть его и, в свою очередь, позволить ему рассмотреть себя. При виде этой женщины Ззераку сразу же вспомнилась другая – та, что пыталась с ним подружиться, показать ему что-то помимо абсолютного хаоса, окружавшего его в землях, называемых некоторыми Запредельем. Однако дракон пустоты явственно чувствовал, что существо это, хоть и похожее на ту, кого он вспомнил, в некоторых отношениях, весьма и весьма отличается от нее во всем остальном.

Длинные, черные, как смоль, волосы водопадом текли по ее плечам. К плененному зверю она стояла боком, будто не обращая на него особого внимания, но Ззераку прекрасно знал: это вовсе не так. Обращенный к дракону пустоты, ее профиль был безупречен и даже превосходил красотой лицо его давней подруги.

Вот только из-под ее полуопущенных век на Ззераку повеяло таким холодом, что исполин снова рванулся на волю.

Уголки ее алых губ изогнулись кверху.

– Тебе ни к чему так утруждаться, маленький мой. Лучше устройся-ка поудобнее. В конце концов... я ведь всего лишь домой тебя привела.

Не находивший в ее словах ни малейшего смысла, Ззераку рвался, рвался из волшебных уз, рвался бежать... бежать подальше от крохотной женщины, отчего-то внушавшей ему такой страх.

А женщина повернулась к нему лицом, отчего Ззераку сделалось видно, что левая сторона ее лица прикрыта шелковой вуалью – вуалью, откинувшейся при повороте в сторону ровно настолько, чтобы дракон пустоты смог разглядеть и ужасающую обожженную плоть под полупрозрачной тканью, и зияющую дыру на месте второго глаза.

Конечно, в сравнении с громадой дракона пустоты она была – что песчинка, однако вид ее изуродованного лица усилил тревоги Ззераку в тысячу крат. Хотелось лишь одного: оказаться как можно дальше и никогда больше не видеть этого зрелища. Да, вуаль, опустившись, прикрыла обожженную кожу, однако дракон пустоты по-прежнему чувствовал таящийся под нею ужас и зло.

Зло, затмевавшее собой все, что ему довелось повидать в Запределье.

Женщина улыбнулась еще шире. Казалось, ее холодная улыбка вот-вот выйдет за пределы лица.

– Сейчас тебе лучше всего отдохнуть, – проговорила она тоном, подразумевавшим повиновение.

Ззераку тут же начал терять сознание.

– Отдыхай, – добавила она, – и ничего не страшись... в конце концов, теперь ты среди родных, дитя мое.

Глава первая

«Как быстро время летит, когда ухитряешься дожить до столь преклонного возраста», – подумал некто в длинных одеяниях, сидя в укромной горной обители и обозревая весь мир, отраженный в бесконечной чередой мерцающих шаров, паривших вокруг. По мановению руки создателя шары скользнули вдоль стен исполинских овальных покоев, и тот, что был ему нужен, остановился перед ним, прямо над одним из ряда пьедесталов, вылепленных при помощи колдовства из сталагмитов, некогда наполнявших пещеру. Казалось, над подножием каждого пьедестала потрудился резец искусного скульптора – столь совершенны были их линии и углы. Однако ближе к вершине все они превращались, скорее, в нечто вроде грез спящего, чем в произведения человеческих рук. В этих грезах, в их причудливых формах, чувствовались намеки на драконов, на духов, а венчало каждый из пьедесталов что-то напоминавшее окаменевшую руку с длинными, жилистыми пальцами, поднятыми к потолку и едва не касавшимися парящей над ними сферы.

В каждом из шаров отражалась картина, значившая для волшебника по имени Крас очень и очень многое.

Чуть различимый раскат грома, донесшийся до его потайного убежища, явно свидетельствовал о беспокойной погоде снаружи. Прикрыв изображение надвигающегося ненастья фиолетовым одеянием, некогда – знаком принадлежности к Кирин-Тору, худощавый, бледный лицом чародей склонился к шару, чтоб лучше видеть последнюю сцену. Голубое сияние шара озарило черты сродни чертам высших эльфов – народа, ныне почти исчезнувшего с лица Азерота, – включая и угловатые скулы, и аристократический нос, и несколько удлиненный череп. Но, несмотря на всю внешнюю красоту, свойственную этой вымершей расе, ни к одному из настоящих эльфийских родов Крас явно не принадлежал. Дело было даже не в ястребином лице, изборожденном паутиной морщин и шрамов – из которых прежде всего бросались в глаза три длинных рваных отметины, сверху вниз пересекавшие правую щеку, – какими ни один эльф не мог бы обзавестись, не прожив значительно больше тысячи лет, и даже не в диковинных черных и алых прядях в седых волосах. Наглядным тому свидетельством были, скорее, блестящие черные глаза – глаза, не похожие ни на человеческие, ни на эльфийские, глаза, говорящие о возрасте, далеко превышающем срок жизни, отпущенный природой любому из смертных созданий.

О возрасте, до которого мог дожить лишь один из старейших драконов на свете.

Крас... Так звался он в этом облике, под этим именем был известен многим лишь как один из бывших старейших членов внутреннего круга правящего Далараном совета волшебников. Но Даларан, невзирая на все старания, подобно множеству королевств, не сумевших одержать верх в войнах с орками и последовавшей за ними борьбе против Пылающего Легиона и Плети, не смог преградить путь приливным волнам зла. Погибли многие тысячи, мир Азерота перевернулся вверх дном и до сих пор едва-едва сохранял равновесие... равновесие, с каждым минувшим днем казавшееся все более и более шатким.

«Как будто все мы застряли за нескончаемой игрой, и жизни наши зависят от прихоти игральные костей или выпавших карт», – подумал Крас, вспомнив и о других, куда более давних бедствиях. Сам он повидал гибель многих цивилизаций, превосходивших древностью любую из существующих ныне, и хотя приложил руку к спасению части великого множества, свершениями своими не остался доволен ни разу. Он был всего-навсего одним живым существом, всего-навсего одним драконом... пусть даже не просто драконом, а Кориалстразом, супругом великой Алекстразы, королевы рода красных драконов.

Но ведь и сама величайшая, Аспект Жизни, возлюбленная госпожа, не смогла ни предвидеть, ни предотвратить всего произошедшего...

Да, Крас понимал, что взвалил на плечи груз куда тяжелее, чем следовало, однако попыток помочь жителям Азерота дракон в облике мага оставить не мог, пусть даже некоторые из его начинаний были заранее обречены на провал.

Вот и теперь его внимание привлекало многое из творящегося на свете: все это вполне могло послужить причиной полного разорения Азерота... а корень проблемы являли собой его сородичи, драконы. Вот, например, необъятная трещина, ведущая в поразительные края под названием Запределье, огромный портал, более всех восхитивший и в то же время встревоживший стаю синих, хранителей самой магии. Из-за этого портала уже появилось загадочное средство для исцеления безумия, давным-давно обуявшего повелителя синих. Да, теперь Аспект Магии, Малигос, обрел полную ясность ума, однако Красу очень не нравился новый ход мыслей синего исполина. Разгневанный тем, что показалось ему пагубным злоупотреблением магией со стороны юных рас, Малигос начал внушать всем прочим Аспектам, что для сохранения Азерота может потребоваться полное истребление всех, владеющих ее силами. Более того, когда Малигос, Алекстраза, Ноздорму Вневременный и Изера Спящая в последний раз сошлись вчетвером на далеком северо-востоке, у величавого древнего храма Драконьего Покоя посреди скованного льдами Драконьего Погоста, ради немаловажного ежегодного ритуала, изначально знаменовавшего собою победу, одержанную их объединенными силами над чудовищным Смертокрылом более десяти лет назад, в этом своем намерении Хранитель Магии был непреклонно тверд.

Раздосадованный сильнее прежнего, Крас отослал прочь шар, в который вглядывался, и призвал следующий, однако размышлял все о том же, о наблевшем, на сей раз – о последней из четверки великих драконов, Изере. По слухам, в ее владениях, Изумрудном Сне, творились кошмарные вещи. Какие именно? На этот вопрос не мог ответить никто, но Крас начинал всерьез опасаться, как бы Изумрудный Сон не превратился в проблему куда более страшную, чем любая другая.

Следующий шар он едва не отправил прочь, почти не взглянув на него, но в последний момент узнал изображенные в нем места.

Грим Батол...

Стоило Красу увидеть зловещую гору, все мысли о Малигосе и Изумрудном Сне разом вылетели у него из головы. Грим Батол он знал хорошо – даже слишком, так как в прошлом и сам бывал здесь, и посылал агентов, служащих его целям, в самое сердце этих проклятых земель. Там томилась в плену его возлюбленная госпожа, Алекстраза, поработанная орками – той самой варварской расой, что, как ни странно, оказалась столь ценным союзником тринадцатью годами позже, по возвращении в Азерот демонов из Пылающего Легиона – при помощи жуткой реликвии под названием Душа Демона. К несчастью, Душа Демона смогла подчинить Орде волю Алекстры, потому что была выкована самими Аспектами, но лишь затем, чтобы один из них смог обратить ее против своих. Так Алекстраза и оказалась вынуждена производить на свет молодяк для военных нужд орков, превращавших ее потомство в кровожадных боевых скакунов и отправлявших их на убой. Этот-то молодяк и гиб многими дюжинами в битвах с волшебниками и драконами из других родов...

Руководя необузданно храбрым волшебником по имени Ронин, воительницей из высших эльфов Верисой и еще несколькими фигурами, Крас сыграл важную роль в освобождении королевы из плена. Подавить последние очаги орочьего сопротивления помогли воины-дворфы. Грим Батол опустел, а его злое наследие было навек уничтожено.

По крайней мере, так все подумали поначалу. Первыми, кто почувствовал насквозь пропитавшую это место тьму, оказались дворфы – оттого они и покинули эти края сразу же после победы над орками. Тогда Крас с Алекстрой сочли, что род красных должен вновь взять Грим Батол под охрану. Несмотря на всю злую иронию того обстоятельства, что, охраняя его

со времен древней битвы за гору Хиджал, красные драконы стали легкой добычей для орков, пришедших туда и поработивших их при помощи Души Демона.

Так, несмотря на кое-какие опасения со стороны Краса, алые исполины вновь начали нести караул в окрестностях Грим Батола, дабы никто – волею случая, либо задумав обратить его зло к собственной выгоде, – не забрался внутрь.

Но вот в недавнее время караульные захворали без всяких на то причин. Кое-кто даже умер, а некоторые настолько повредились умом, что их, из страха перед бедствиями, которые они могли учинить, пришлось предать стражей смерти. После этого род красных, наконец, последовал примеру всех остальных и предоставил Грим Батол собственной участи.

Так Грим Батол стал всего-навсего пустым склепом, памятником окончанию старой войны и началу мирной жизни – как оказалось впоследствии, очень и очень недолгой.

Однако...

Крас впился взглядом в темную громаду горы. Даже отсюда, невзирая на расстояние, он чувствовал нечто, исходящее изнутри. За сотни лет Грим Батол так пропитался злом, что об очищении не стоило и помышлять – отсюда и недавние слухи, подразумевающие, будто злое прошлое вновь возрождается к жизни. Красу были известны они все. Разрозненные, противоречивые рассказы повествовали об огромном крылатом создании, замеченном в ночном небе, о призрачном силуэте, в одном случае начисто уничтожившем целую деревню во многих милях от Грим Батола. Другой рассказчик утверждал, будто видел в свете луны существо вроде дракона, только не красной, не черной, не любой другой известной масти. Этот дракон был аметистовым, каковых на свете не существует, а стало быть – наверняка являлся ничем иным, как плодом воображения перепуганного крестьянина. Однако способные видеть издали, в основном – агенты Краса, докладывали о странных сполохах в небе над самой горой, а один, вполне надежный молодой дракон из его же стаи, осмелившись выяснить, откуда берутся эти сполохи, бесследно исчез.

В мире происходило столько разного, что сосредоточиться на одном Грим Батолу. Аспекты попросту были не в состоянии, но и Крас не мог оставить Грим Батол без внимания. Не мог он больше и полагаться во всем на агентов: жертвовать другими было совсем не в его обычае. Теперь за дело следовало взяться самому, чем бы это ни кончилось.

Пусть даже его гибелью.

Сейчас он мог бы рассказать обо всем лишь двум живым душам на всем белом свете... однако Ронину с Верисой хватает своих забот.

Выходит, придется справляться самому.

Взмахом руки Крас отослал сферы в сумрак под потолком. Смерти он, много раз смотревший ей в лицо, много раз побывавший на грани гибели, не страшился ничуть. Хотелось бы лишь одного: если уж суждено ему умереть, то умереть не напрасно. К смерти во имя спасения мира и всех, кто ему дорог, он был более чем готов.

«Если, конечно, потребуется», – напомнил самому себе дракон в облике мага. Он ведь еще даже не отправился в путь, а значит, и думать о гибели пока что не время.

«Искать нужно втайне, держась неприметно, – размышлял Крас, поднимаясь на ноги. – Все это не просто стечение обстоятельств. Происходящее угрожает нам всем, я чувствую...»

В другое время, во время Второй Войны, Крас точно знал бы, кого в этом винить. Он сразу бы заподозрил во всем обезумевшего Аспекта, некогда звавшегося Хранителем Земли... или, точнее, Нелтарионом. Однако изначальным именем гигантского черного дракона никто не называл уже тысячи лет. После первых же чудовищных замыслов повредившегося умом исполина в обиход вошло новое, куда более подходящее имя.

Смертокрыл – вот как он звался теперь. Смертокрыл Разрушитель.

Остановившись посреди огромного подземелья, Крас перевел дух и приготовился к тому, что последует дальше. Нет, Смертокрыла винить во всем этом нельзя: теперь-то он почти

наверняка мертв. Почти наверняка... Что ж, это гораздо лучше всех прошлых случаев, когда черного дракона считали всего лишь весьма вероятно погибшим.

Вдобавок, Смертокрыл – отнюдь не единственный великий злодей во всем мире...

Крас вытянул руки в стороны. Что ныне творится там, в Грим Батоле – просто последние всплески многовекового зла, или некие новые гнусные злодеяния, – разницы нет. Так ли, иначе, а до истины он докопается.

Тело его вспухло, начало разрастаться вопреки всякому естеству. Закряхтев, маг припал к полу, опустился на четвереньки, лицо его вытянулось вперед, нос и губы срослись воедино, превратившись в длинную морду с могучими челюстями. Ключья лопнувших одеяний взлетели в воздух и сразу же вновь утвердились на теле, где сделались твердой, малиново-алого цвета чешуей. Пара крохотных перепончатых крылышек, проклюнувшихся из спины, начали расти вместе с телом и длинным остроконечным хвостом. Руки и ноги, изогнувшись, обернулись могучими лапами с полным набором острых когтей на кончиках пальцев.

Преображение продолжалось всего-навсего миг, но к тому времени, как оно завершилось, от мага по имени Крас не осталось и следа. На его месте стоял величественный красный дракон, заполнявший собой почти все подземелье. Немногие из сородичей, если не брать в расчет великих Аспектов, превосходили его в величине.

Расправив огромные крылья, Кориалстраз взмыл вверх, к потолку.

Прежде чем он достиг каменных сводов, потолок замерцал, тонны камня подернулись рябью, будто вода, и алый дракон беспрепятственно нырнул в утратившую твердость скалу. Могучие мускулы стремительно несли его ввысь, и вскоре магическая преграда осталась позади.

Спустя пару секунд, он взвился в ночное небо. Скала, пропустив его, вновь затвердела, сделалась точно такой же, как прежде.

Последнее из его тайных прибежищ располагалось среди гор, невдалеке от разрушенного Даларана. Да, руин, развалин некогда горделивых башен и неприступных крепостных стен, внизу виднелось немало, однако большую часть сих легендарных земель окружало нечто гораздо, гораздо более удивительное. Начало оно брало там, где некогда правил Кирин-Тор, а оттуда тянулось на равное расстояние во всех направлениях. То был плод отчаянных попыток оставшихся членов внутреннего совета восстановить былую славу, возродить прежнее могущество, и в то же время помочь Альянсу отразить натиск Плети.

Снаружи все выглядело как огромный волшебный купол, целиком состоявший из бурлящих магических сил, окрашивавших его поверхность то искристо-фиолетовым, то ослепительно-белым. Что происходит внутри, совершенно непрозрачная полусфера разглядеть не позволяла. Узнав, что затевают волшебники, Кориалстраз счел их безумцами, но препятствовать не стал: возможно, у них еще все получится...

Несмотря на немалые возможности, о драконе в собственных рядах совет магов ни коим образом не ведал. В бытность Кориалстраза членом ордена, а на деле – одним из тайных его основателей, он был известен всем лишь как Крас, а не как тот, кем являлся на деле. Пожалуй, так оно было лучше: запросто вести дела с мифическим зверем большинству представителей юных рас оказалось бы не по силам.

Укрытый от посторонних глаз колдовством, дракон пронесся над дивным куполом и направился на юго-восток. Как ни велик был соблазн завернуть во владения рода красных, задержка могла обойтись очень уж дорого: что, если королева усомнится в целесообразности его затеи, а то и вовсе ее запретит? Нет, назад Кориалстраз не повернет даже ради нее.

Тем более что в первую очередь ради нее туда, в Грим Батол, он и стремится.

Выглядели дворфы на удивление пестро, даже в сравнении с тем, как нередко выглядят в глазах людей или иных посторонних рас. Конечно, они и сами предпочли бы, чтоб дела обстояли получше, но долг перед дворфским народом требовал стойко терпеть лишения.

Среди невысоких, но крепко сложенных дворфских воинов имелись и мужчины и женщины, однако тем, кто не принадлежал к их расе, заметить разницу издали было бы трудно. Женщины не носили густых бород, отличались не столь мускулистым сложением и, если как следует вслушаться, слегка менее хриплыми голосами. Но, несмотря на все это, бились они так же решительно, как и мужчины, а порой даже превосходили их в отваге.

Впрочем, мужчины ли, женщины – все они были чумазы, здорово выбились из сил, а еще потеряли в тот день двух товарищей.

– Альбреха я могла бы спасти, – вздохнула Гренда, скорбно, виновато поджав губы. – Могла бы ведь, Ром!

Дворфа постарше годами, к которому она обращалась, украшало куда больше шрамов, чем любого другого. Ром был их командиром и знал историю Грим Батола лучше всех. В конце концов, разве не он командовал дворфами много лет назад, когда волшебник Ронин, лучница из высших эльфов Вериса и наездник на грифонах с Заоблачного Пика помогли его отряду очистить это гнусное место от орков и освободить королеву драконов? Прислонившись к стенке туннеля, которым только что бежал и он, и его отряд, Ром перевел дух. Не так уж давно он был молод, но за четыре недели, проведенные здесь, заметно состарился, причем не естественным образом, и был уверен: все это из-за нее, из-за злобы здешних земель. Вспомнить хоть донесения насчет красных драконов: те пострадали еще сильнее, пока, наконец-то, едва месяц тому назад, не образумились да не ушли! Одни только дворфы настолько бесшабашны, чтобы отправиться туда, где убивает сама земля.

Земля... а не земля – так черное зло, зарывшееся в самую глубину этих жутких пещер.

– Ты, Гренда, ничего тут поделать не могла, – буркнул он в ответ. – И Альбрех, и Катис знали, что так может обернуться.

– Но бросить их одних биться против скардинов...

Ром сунул руку под кирасу и вытащил длинную трубку. Без трубки дворф никуда шагу не сделает, хотя курить порой приходится не то, что обычно предпочитаешь. Последние две недели отряд пробавлялся смесью бурых земляных грибов – в подземных туннелях их было полно – с красноватой травой, найденной невдалеке от ручья, лучшего из окрестных источников пресной воды. За неимением лучшего, курево вышло сносное.

– Они сами решили остаться и помочь нам, остальным, сделать дело, – ответил Ром, набивая трубку, а, раскурив ее, добавил: – То есть, вот эту вонючую тварь с собой назад привести.

Гренда и остальные взглянули в сторону пленного. Скардин, зашипев, будто ящерица, лягнул на Рома зубами. Тварь эта (да, Ром был твердо уверен в ее принадлежности к мужскому полу, но не желал достаивать скардина даже малой толики индивидуальности) слегка уступала ростом среднему дворфу, но в плечах была чуточку шире. А вся эта лишняя ширина являла собою сплошные мускулы: землю чешуйчатые создания рыли когтями так, как не под силу даже самым могучим из соплеменников Рома.

Лицом скардин, тарачившийся на пленителей из-под рваного коричневого клобука, напоминал жуткую помесь дворфа с какой-то ящерицей или змеей, и первое никому не казалось странным – как известно, скардины вели происхождение от той же расы, что и Ром, и его товарищи. Их общими предками были ненавистные дворфы Черного Железа, уцелевшие в Войне Трех Молотов сотни лет тому назад. В эпическом противостоянии дворфов с дворфами большая часть вероломного клана Черного Железа была истреблена, но слухи, будто кое-кто из них скрылся в Грим Батол сразу после того, как их предводительница, чародейка Модгуд, прокляла Грим Батол, а вскоре была повержена, не умолкали до сих пор. А не умолкали они оттого, что охотиться за остатками врагов в местах, оскверненных магией, в то время никто

не пожелал, и правду Ром с товарищами имели несчастье узнать лишь недавно, вскоре после прибытия.

Однако родство, связывавшее народ Рома со скардинами, давным-давно сделалось настолько смутным, что в расчет его можно было не принимать. Общий облик да кое-какое сходство в чертах лица скардинам сохранить удалось, но даже там, где раньше красовались пышные бороды, их кожу покрывала колючая, жесткая чешуя. Зубы их в самом деле больше напоминали клыки, клыки ящерицы, а то и дракона; безобразные руки – точнее сказать, лапы – тоже немедленно наводили на мысль о рептилиях. Вдобавок, захваченная дворфами тварь, скорее всего, бегала на четвереньках не хуже, чем на двух ногах.

Нет, это вовсе не значило, что скардины – просто животные. Они были хитры и прекрасно управлялись с оружием, будь то кинжалы, которые эти создания носили на поясе, нимало не изменившиеся со времен войны Трех Молотов топоры, или же металлические, утыканые хищными шипами шары величиной с кулак – их скардины метали, когда руками, а когда из пращи. И все же, разоруженные, они охотно пускали в ход зубы да когти – что дворфы и выяснили на горьком опыте при первом же столкновении.

Тогда же подтвердилось и их происхождение от дворфов Черного Железа: одежда скардинов по-прежнему сохраняла приметы клана изменников. К несчастью для Рома с его отрядом, взять хоть одну из этих тварей живьем оказалось очень и очень трудно – бились скардины до последнего. Трижды до этого устраивал Ром рейды за пленными, и трижды у дворфов ничего не получалось.

И трижды в бою гибли те, кем командовал Ром.

Вот и сегодня вечером треклятая череда неудач не завершилась: потеряны двое превосходных бойцов... разве что их старания на сей раз, стоило надеяться, не пропали впустую. Теперь в руки Рома наконец-то попался «язык», который уж точно расскажет все. От какой-то такой злой силы в страхе бегут даже драконы? Какая-то тьма заполучила над скардинами столь абсолютную власть, что эти выродки готовы биться за нее насмерть?

Кто это там сейчас гневно воет, в то время как над уединенной вершиной сияют жуткие сполохи магических сил?

Стоило Рому склониться ближе, скардин плюнул в него. Из пасти его несло – гаже некуда, что, если вспомнить, к какой вони дворфам пришлось притерпеться, говорило об очень и очень многом. Вдобавок, в этот миг Ром обнаружил новое различие, отделявшее скардинов от дворфов точнее прежнего: язык пленника оказался раздвоенным, точно змеиный.

Конечно, ни одно из всех этих изменений естественным быть не могло. Так уж на скардинов подействовала жизнь в землях, насквозь пропитавшихся злым волшебством.

Предводитель дворфов мрачно, сурово взирал на пленного, смотря прямо в кроваво-красные глазки.

– Ты выродок, но языка еще не забыл, – пророкотал Ром. – Я слышал, как ты говорил на нем.

Схваченный зашипел... и рванулся прочь. Двое дюжих стражей, державших его за локти, были выбраны Ромом как раз из-за силы, но удержать скардина им стоило немалых трудов.

Ром пыхнул трубкой, глубоко затянулся и выпустил твари в лицо струю густого дыма. Скардин жадно потянул носом: очевидно, любви к доброй трубке его соплеменники не утратили. В первый раз обыскав тела убитых, дворфы нашли при них кривые курительные трубки, только не резные, не деревянные, а вылепленные из глины. Чем скардины их набивали? То был особый вопрос, так как единственным пригодным для этого веществом, найденным на мертвых телах, оказалось нечто, пахшее старым сеном пополам с прелыми земляными червями, и пробовать его не решились даже самые отчаянные из соратников Рома.

– Что, покурить, небось, хочешь?

Затянувшись, Ром вновьдохнул в лицо пленника дымом.

– Ну, так поговори со мной самую малость, и поглядим, чем можно твоему горю помочь.
– Узурау! – прорычал пленник. – Гизах!

Ром огорченно цокнул языком.

– Ну нет, с такими разговорами я просто отдам тебя Гренде да двум ее братьям. Альбрех, он же гвярбрауден с ними был связан? Гвярбрауден. Знаешь такое древнее слово?

Скардин замер.

Кровные связи у дворфов считались по-разному. Самой из них выдающейся, разумеется, был клан. Однако и внутри, и вне клана существовало немало иных уз, и самым распространенным среди простых воинов считался ритуал гвярбраудена. Те, кто поклялся друг другу в гвярбраудене, тем самым объявляли, что весь Азерот обойдут, но убийцу товарища, если того кто погубит, отыщут. Вдобавок, они отнюдь не брезговали предавать помянутых погубителей смерти лютой и долгой, ибо гвярбрауден был правосудием особым, обыкновенных законов никак не касавшимся. Правда, главы кланов его существования вслух не одобряли, но, с другой стороны, не подвергали и порицаниям.

Об этой особенности дворфской жизни знали немногие из чужаков.

Однако скардины дворфам, очевидно, чужими не были: дико сверкнув алым огнем глаз, пленный покосился на ослабившуюся Гренду и вновь перевел взгляд на Рома. Легенды, повествовавшие об исполнении гвярбраудена, нередко заканчивались затейливыми описаниями долгой смерти жертв, и, обнаружив, что такие ужасающие предания среди соплеменников изловленной твари в ходу до сих пор, Ром вовсе не удивился.

– Последний шанс, – объявил он, еще разок затянувшись трубкой. – Будешь говорить так, чтоб мы поняли?

Скардин согласно кивнул.

Ром постарался не выдать радости. Насчет Гренды с братьями он не то, чтобы брал пленного на испуг, однако, отдав его им, вполне мог ничего не узнать. Верно, Гренда изо всех сил постаралась бы развязать уродливой твари язык, но следовало принять в расчет, что кто-либо из них троих, переусердствовав в исполнении гвярбраудена, прикончит скардина прежде, чем это произойдет.

В последний раз взглянув в сторону Гренды, дабы напомнить пленнику, что его ждет, если он заартачится, Ром заговорил:

– Та, что прячет лицо под вуалью! Ваша братия что-то ей принесла, и теперь над Грим Батолом гремит рев вроде драконьего... только ни одного дракона здесь не видать уже не первый месяц! Что она там затевает?

– Хризалун...

Одно-единственное слово прозвучало в устах скардина так хрипло, будто говорить ему приходилось нечасто и удавалось ценой ужасных трудов.

– Хризалун...

– Клянусь бородой отца! Что за штука этот твой хри... хризалун?

– Больше внутри... чем снаружи...

– Что за пустую породу эта тварь в уши нам сыплет? Посмеяться над нами вздумал?! – зарычал один из братьев Гренды.

Хоть и не близнецы, ее братья были схожи друг с другом куда сильнее, чем большинство дворфов, и Ром вечно путался, не в силах понять, кто из них Грагдин, а кто – Григгарт.

Кто бы то ни был, сие заявление он подкрепил делом, метнувшись вперед и вскинув над головою топор, насколько уж позволяли низкие своды туннеля. Скардин зашипел и снова рванулся из рук стражей.

Путь буйному братцу заступила Гренда.

– Нет, Григгарт! Не время! Убери-ка топор, живо!

Получив выговор от сестры, Григгарт втянул голову в плечи. Гренда была госпожой, а братья – ее верными псами. Примеру брата, хоть и без всякой на то причины, последовал и Грагдин.

Гренда вновь повернулась к скардину.

– Но если этот выродок раскроет пасть и снова начнет вздор нести...

Ром поспешил вновь взять дело в свои руки. Докурив трубку, он выбил из нее пепел и проворчал:

– Ладно. В последний раз. Может, другой вопрос тебя в нужную сторону подтолкнет.

Тут он на время задумался, а после продолжил:

– Может быть, что-нибудь насчет того, рослого? Зачем его братию могло сюда принести?

Этот вопрос подействовал на скардина весьма настораживающе. Поначалу Рому почудилось, будто пленник чем-то поперхнулся, однако в следующий же миг сделалось ясно: треклятая тварь смеется.

Вынув кинжал, Ром ткнул скардина острием под смуглый чешуйчатый подбородок, но пленный, несмотря на это, не унялся.

– А ну цыц, жабий сын, чтоб тебе лопнуть! Тихо, не то я избавлю их от живодерских хлопот и сам с тебя шкуру...

Свод туннеля просел, рухнул вниз. Дворфы бросились врассыпную, спасаясь от многих тонн камня.

Вместе с обломками сверху спрыгнули три рослых, плечистых создания, не только защищенные бронзовыми кирасами и поножами, но покрытые чешуей куда гуще скардинов. Что еще хуже, грозные гиганты – на наметанный взгляд Рома, без малого девяти футов ростом – казались много опаснее, чем потомки дворфов Черного Железа, да к тому же появились совершенно неожиданно.

– Что за?.. – только и успел вскрикнуть один из дворфов, прежде чем длинный кривой клинок рассек его поперек туловища вместе с кирасой и всем остальным.

Ром знал, кто это, пусть только по описаниям, однако их гнусное имя выкрикнула Гренда.

– Драконида!

С этим она ринулась к первому, изготовив к бою топор. Выглядевший будто беспощадный воин, вылепленный кем-то из дракона и человека, покрытый черной чешуей, драконид, на которого нацелилась Гренда, отмахнулся от нападавшей обгаренным кровью оружием. Лязгнув о ее топор, клинок вспыхнул и прошел сквозь добрую дворфскую сталь, точно через воду.

Только проворство Рома ее и спасло. Прыгнув к чудовищному созданию в тот же миг, что и Гренда, он как раз успел оттолкнуть ее в сторону. К несчастью, теснота обвалившегося коридора не позволила ему уклониться от удара, предназначенного для нее.

Дворф пронзительно вскрикнул: пылающий клинок пережег запястье! Изумленный, уставился он на упавшую наземь кисть, тут же и скрывшуюся под широкой трехпалой стопой драконида.

Если с этой ужасной раной ему в чем-то и повезло, так лишь в том, что магия клинка тут же приггла культу. В сочетании с дворфской выносливостью, это обстоятельство помогло Рому вложить все силы в удар уцелевшей руки.

Топор рассек твердую, словно броня, шкуру возле плеча. Взревев от боли, драконид отпрянул назад.

В ушах Рома зазвенел хохот, все меньше и меньше напоминавший хохот скардина – скорее уж, этот голос принадлежал кому-то куда более страшному. Ром покосился в сторону стражей с их подопечным.

Однако стражи лежали мертвыми. Невидящие глаза их смотрели вверх, а горла были перерезаны. При этом их топоры оставались на перевязях, за спиной, кинжалы покоились в ножнах на поясе. Казалось, они просто стояли и ждали смерти.

Или же были зачарованы... так как меж ними, на месте скардина, стоял вовсе не изуродованный магической силой дворф. Этот враг не уступал ростом человеку, только в кости оказался заметно уже. Одних длинных, заостренных кверху ушей было бы вполне довольно, чтобы понять, кто он такой, однако его алые одеяния и глаза, полыхавшие неукротимым зеленым огнем – знак демонической порчи – к страху и изумлению Рома окончательно подтвердили, каким дураком оказался он, командир отряда.

Перед ним стоял тот самый эльф крови, о котором он спрашивал.

Затеянная Ромом охота за пленным, за «языком», который даст ему нужные сведения, обернулась ловушкой для самих дворфов. Стоило представить, как товарищей перебьют или, еще того хуже, захватят живьем да уволокут в Грим Батол, сердце его заколотилось, точно вот-вот вырвется из груди.

С боевым кличем, эхом разнесшимся по обвалившемуся туннелю, Ром бросился к эльфу крови. Рослый эльф, смерив могучего дворфа презрительным взглядом, протянул вперед руку.

В ней появился кривой деревянный посох с раздвоенным навершием, украшенным огромным черепом, вырезанным из изумруда, который полыхнул тем же зеленым огнем, что и злые глаза эльфа крови.

Отброшенный назад, Ром врезался спиной в стену.

Рухнув наземь, дворф наградил противника эпитетом, способным огнеч уши любого человека, а уж тем более – любого представителя эльфийских рас. Сквозь муть в глазах он видел дворфов, из последних сил отбивавшихся от могучих драконидов. Нет, дракониды были не то, чтоб непобедимы, однако его соплеменники двигались очень уж медленно, вяло. Горум, боец, уступавший в проворстве лишь самому Рому, поднимал топор так, точно оружие весило не меньше него самого.

«Эльф крови... это... не иначе, это все он».

Ром напряг мускулы, силясь подняться, но тело не повиновалось.

Хуже собственной верной гибели был позор перед королем. Он, Ром, дал Магни клятву раскрыть тайну происходящего в Грим Батоле, а добился только полного поражения!

Подстегнутый стыдом, он ухитрился встать на колени, но дальше этого дело не пошло. Эльф крови равнодушно отвернулся, чем нанес чести Рома новое оскорбление.

Превозмогая чары и боль, Ром кое-как подхватил топор...

Ужасающий, сотрясший стены туннеля рев над головами заставил поднять взгляды всех до единого.

Разительнее всего он подействовал на эльфа крови. Выругавшись на каком-то неведомом Рому языке, он заорал драконидам:

– Наверх! Живо, не то поздно будет!

Драконоподобные воины подобрались, с потрясающей для таких размеров ловкостью прыгнули вверх и скрылись из виду. Их предводитель дважды стукнул посохом оземь и тоже исчез, окутавшись яркой вспышкой золотистого пламени.

В тот же миг Ром снова обрел способность двигаться – разве что несколько устало, и медленно обвел взглядом товарищей, оценивая их состояние. По меньшей мере, трое убиты, несколько остальных здорово изранены... причем дракониды вряд ли получили больше одной-двух ран на каждого, да и то несерьезные. Если б не загадочный рев, дворфы были бы разбиты наголову.

На помощь ему пришла Гренда с одним из братьев. По лбу воительницы градом катился пот.

– Идти сможешь?

– Хм-м-м! Даже бежать смогу, девочка... если потребуется!

Нет, бежать он предложил вовсе не от испуга. Кто может знать, не вернутся ли эльф крови с драконидами столь же быстро, сколь и исчезли? Изрядно потрепанным, дворфам следовало отступить туда, где они смогут прийти в себя.

– К... к тем наклонным туннелям, – командовал Ром.

Эти туннели располагались куда дальше от Грим Батола, но он чуял: лучше убежища не найти. Земля в тех краях изобиловала богатыми залежами белых кристаллов, крайне чувствительных к магическим силам, а потому там их даже магу вроде эльфа крови в волшебный кристалл не углядеть. Там разведчики, можно сказать, невидимками станут.

Невидимками... однако не неуязвимыми. Полной безопасности нигде на свете не сыщешь.

С помощью Гренды Ром повел дворфов прочь. Окинув взглядом потрепанных соратников, он снова увидел, как дорого обошлась им мимолетная стычка. Если б не этот рев...

Рев... Да, вмешался он как нельзя кстати, однако Ром все гадал и гадал, откуда бы этот рев мог взяться... и не предвещает ли то, что спасло жизни дворфов, чего-либо намного, намного худшего.

Глава вторая

Кориалстраз несся над Лордероном, изо всех сил стараясь не обращать внимания на сутолоку внизу. Он твердо решил достичь противоположного берега бухты Барадин без малейших задержек. Сделать это было важнее всего. Позволить себе хоть как-либо ввязаться в долгое противоборство с Плетью дракон не смел. Это следовало предоставить другим, он вмешиваться был просто не вправе...

И все-таки... и все-таки исполинский красный дракон не раз нарушал данное себе слово. Не мог Кориалстраз ни допустить страданий невинных, ни оставить зверства нежити безнаказанными.

Вот и сегодня, ближе к концу хмурого дня, он увидел все это с высоты и не смог пролететь мимо, оставив огромное скопище уродливых, полуистлевших слуг Короля-лича нетронутым.

Едва почуяв запахи далекой бухты, он заметил внизу жуткое войско, готовящееся к походу... а создано то войско было из разрозненных частей тел и трупов тысячи с лишним добрых людей. Заржавевшие, выщербленные латы паладинов болтались на обнаженных, лишенных плоти костях, из-под шлемов таращились пустые глазницы. Судя по телосложению части неуспокоенных, предрассудками Плеть не страдала, не гнушалась ни женщинами, предпочитая им мужчин, ни стариками, предпочитая им молодых – все павшие годились в строй, все шли служить ее злому господину.

Для разъяренного дракона тот факт, что некоторые из них когда-то были женщинами и детьми, тоже значения не имел. Устремившись вниз, к толпам нежити, Кориалстраз обрушил на них весь ужас своего гнева. Шеренги мертвецов рассекала огненная река, в один миг уничтожившая многие дюжины жутких созданий. Иссохшие кости оказались дивной растопкой для драконьего пламени: часть неуспокоенных рухнула в толпу шедших рядом, и буйное пламя хлынуло в стороны,вширь.

В бой Кориалстраз бросился, прекрасно зная, куда направляется воинство Плети: неуспокоенные двигались не куда-нибудь – к волшебному куполу, укрывавшему Даларан, над которым он пролетел не так уж давно. Волшебники были врагом, коему Артас, Король-лич, не мог позволить оправиться от поражения. Чего-то подобного дракон от него в скором времени и ожидал, но скорость действий Плети превзошла все его расчеты.

Таким образом, Плеть предоставила красному дракону возможность перед отлетом из Лордерона оказать бывшим товарищам по Кирин-Тору рискованную, но дорогого стоящую услугу.

Обратив к небесам мертвые лица, воины Плети дали по Кориалстразу залп из множества разномастных луков, но стрелы их не долетели до цели. К атакам с воздуха, да еще столь грандиозного масштаба, неуспокоенные не привыкли. Красный гигант свернул к северу и ударил по строю нежити там, нырнув вниз, разметав ряды воинов, а затем окатив устоявших новой струей пламени.

Тут он, наконец, почувствовал магию, всколыхнувшуюся где-то в задних рядах, и отреагировал соответственно. Дракон помоложе вполне мог бы пасть жертвой чародеев Короля-лича, но Кориалстраз был куда опытнее. Немедля отыскав взглядом новых противников, он пустил в ход собственную магию – магию немалой силы.

Земля вокруг вражеских чародеев, личей низшего ранга, некогда, по всей вероятности – вполне достойных волшебников, соблазнившихся темной мощью повелителя Плети, вмиг покрылась густыми зарослями травы, в тысячу раз превосходившей величиною обычную. Огромные стебли оплели добычу, сокрушив, разодрав неуспокоенных магов на куски прежде, чем те довели коварное колдовство до конца.

«Вот так жизнь повергает небытие в прах», – мрачно подумал Кориалстраз. Супругу Аспекта Жизни, а, стало быть, верному служителю этой стороны, ему претило использовать свои силы таким образом, однако Плеть выбора не оставляла. Плеть была полной противоположностью всему, что воплощала собой его госпожа, угрозой всему сущему в Азероте.

Внезапно грудь пронзила дикая боль, отчего исполин едва не свалился в штопор. Взревев от ярости, Кориалстраз обругал себя за то, что задумался и отвлекся, точно детеныш, недавно вышедший из скорлупы. Чудом не рухнув в самую гущу Плети, крылатый исполин в последний миг выровнялся, взмыл ввысь, за серые тучи, и опустил взгляд к груди.

Из тела его торчала вонзившаяся между чешуек стрела длиной с его коготь. Наконечник ее оказался не стальным, а изготовленным из какого-то мерно пульсировавшего темного кристалла. Выстрел был исключительно точен: попадание в столь узкую брешь, да чтоб стрела впилась в тело так глубоко – дело наверняка не случайное.

Грудь снова пронзила боль. На сей раз красный дракон был к ней готов, и все же едва удержался в воздухе.

Собрав остаток сил, Кориалстраз поднялся еще выше. Отсюда остатки Плети внизу казались вереницей бегущих муравьев. Удовлетворенный тем, что больше его заклинаниями не достать, исполин сосредоточил волшебные силы на зловещей стреле.

Алая аура окутала Кориалстраза со всех сторон. Вливая в нее магическую мощь, дракон направил ток силы к наконечнику волшебной стрелы.

Черная стрела взорвалась.

Однако триумф Кориалстраза оказался недолг: в следующий же миг грудь снова пронзила острая боль. Конечно, с прежними муками она не шла ни в какое сравнение, но и пустяковой ее было не назвать. Не понимая, в чем дело, красный дракон осмотрел рану заново.

Три мелких осколка кристалла остались в теле. Волшебство, при помощи коего сотворили эту стрелу – несомненно, специально против ему подобных, иного объяснения ее существованию быть не могло, – оказалось настолько сильным, что даже такая малость причиняла Кориалстразу сильную боль.

Прислужники Короля-лича становились хитрее, коварнее день ото дня.

Сотворив новое заклинание, Кориалстраз избавился от осколков кристалла, на миг задохнулся от напряжения, но, разъяренный случившимся, быстро собрался с силами.

Взревев, красный дракон снова стрелой понесся вниз, к задним шеренгам вражеских воинов. Сотворивший черный кристалл был там, среди них.

На этот раз Кориалстраз окатил драконьим огнем все вокруг, не оставляя никому ни единого шанса избежать его гнева. Пускай Плеть знает: с драконами шутки плохи!

Обьятые пламенем, неуспокоенные заковыляли во все стороны и попадали наземь. В самом центре удара огонь поглотил чудовищ целиком, оставив от них только пепел.

Кориалстраз удовлетворенно оглядел поле боя. Его атака нанесла Плети серьезный урон. Колоссальная помощь и Даларану, и прочим защитникам Лордерона!

Вдохнув полной грудью, Кориалстраз без колебаний понесся к бухте... к далекому, манящему Грим Батолу.

В грязный городишко под названием Кабестан, поселение, некогда основанное на восточном побережье центрального Калимдора контрабандистами, а ныне в основном населенное не только сей гнусной братией, но и прочими изгоями, отвергнутыми самыми разными общинами, вошел рослый путник в длинном плаще. Капюшон и просторный плащ скрывали черты лица и одежду новоприбывшего полностью. Мало этого, полы плаща достигали самой земли, так что ни ног, ни ступней его тоже было не разглядеть. Во многих других местах это немедленно привлекло бы внимание всех и каждого, но в Кабестане подобные типы встречалось нередко.

Но это, конечно же, не означало, что сторонние наблюдатели – гоблины, люди, или еще кто – его не заметили, просто следили за ним краем глаза, тайком. Здесь, в ветхом скопище полуразвалившихся каменных зданий да хижин из гнилых досок, хватало и тех, кто сразу же оценивал каждого из новоприбывших – чего он может стоить, – и прочих, видевших в них возможную опасность. Немало немых, небритых обитателей городка оказались здесь из-за того, что кое-кто желал им смерти, а поэтому держались они начеку, готовясь прикончить всякого возможного убийцу первыми. Конечно, так под нож мог угодить и кто-либо вовсе ни в чем не повинный, но с этой мыслью все они давным-давно примирились.

Укрывшийся под плащом неторопливо шагал через Кабестан, вертел капюшоном из стороны в сторону, вглядываясь в сгущающийся сумрак, и, наконец, задержался у вывески, качавшейся над парадным крыльцом некогда, в совсем иные времена, вполне благопристойной таверны. Выцветшие буквы все еще складывались в не обещавшее ничего хорошего название заведения – «Сломанный киль».

Пришелец плавно свернул к таверне. В дверях, привалившись плечом к растрескавшемуся косяку, торчал долговязый, тощий, покрытый множеством шрамов человек в кожаных сапогах и свободного кроя матросской одежде. Взглянув на приближающегося, он молча отодвинулся в сторону. Странник слегка качнул капюшоном, проводив его взглядом, и вновь повернулся к дверям таверны.

Широкий рукав потянулся к дверной ручке, но оказавшиеся рядом могли бы заметить, что ручки он не коснулся – и тем не менее, дверь распахнулась настежь.

Внутри на нежданного визитера уставились гоблин-владелец и трое гостей. Почти семи футов ростом, он оказался выше самого рослого из них на полголовы. Одежда их и абордажные сабли у пояса не сочетались с тем, что новоприбывшему доводилось слышать об этих местах. То были пираты Кровавого Паруса... однако путник оставил их интерес к своей персоне без внимания. Ему требовалось только одно.

– Мне нужен проезд на тот берег моря, – объявил укрывшийся под плащом чужак.

Тут на лицах всех четверых впервые отразилось удивление: голос его не походил ни на мужской, ни на женский.

Первым опомнился владелец заведения – невысокий зеленокожий пузатый гоблин. Обнажив в широкой улыбке желтые зубы, он скрылся за стойкой, где, несмотря на изрядный объем брюха, ловко вспрыгнул на невидимую скамью либо табурет, уставился на пришельца поверх бара и с издевкой заговорил:

– Так тебе лодка требуется? С лодками тут у меня не очень! Еда, эль – это пожалуйста, а вот лодки, знаешь ли, кончились, хе-хе!

С этими словами он выпятил брюхо так, что оно, вывалившись из-под грязной зеленой с золотом жилетки, почти целиком заслонило широкий пояс с металлической пряжкой, поддерживавший потрепанные зеленые штаны.

– Вот и парни соврать не дадут, а?

Ответом ему была пара «это точно» и неспешный кивок (последний – со стороны самого остроглазого из троицы выпивох). Ни один из всей шайки не сводил взгляда с укутанного в плащ незнакомца, но ни тревоги, ни каких-либо прочих эмоций тот не показывал.

– Верно, эти места мне чужие, – все тем же бесполом, не опознаваемым ни как мужской, ни как женский голосом отвечал он. – Но там, где предлагают пищу и кров, нередко знают и где искать транспорт.

– А золото, чтоб заплатить за «транспорт», у тебя, мой таинственный друг, имеется?

Капюшон гостя качнулся книзу. Рукав, которым он отворял дверь, вновь потянулся вперед, но и на этот раз из него показалась не ладонь, а небольшой, серого цвета кошелек. Зазвев, кошелек закачался на двух кожаных шнурках, исчезающих в рукаве.

– Мне есть, чем расплатиться.

Общий интерес к кошельку был очевиден, но и это обстоятельство спокойствия ново-прибывшего не поколебало ничуть.

– Хм-м-м! Может, управляющему пристанью, старому Головокружилкинсу, и хватит безумства туда тебя отвезти, – буркнул хозяин таверны, почесав острый подбородок. – По крайней мере, лодки у него точно имеются.

– И где же его можно найти?

– На пристани, чтоб ей лопнуть, где же еще! Старый Головокружилкинс там и живет. Как выйдешь, налево, а там сверни за угол и ступай прямо. Мимо пристани и доков не пройдешь. Там, за ними, хе-хе, воды целая уйма!

Капюшон гостя снова качнулся книзу.

– Прими мою благодарность.

– Скажешь там: тебя я, Вихлюн, то есть, послал, – проворчал хозяин таверны. – Счастливого плавания...

Грациозно развернувшись, незнакомец вышел наружу. Едва дверь за ним затворилась, он оглядел окрестности и, следуя указаниям хозяина таверны, двинулся влево. Правда, небо уже потемнело, и сам управляющий пристанью навряд ли согласился бы отправиться в плавание среди ночи, но это было неважно.

По пути закутанному в плащ страннику то и дело попадались местные жители, деловито сновавшие туда-сюда, но он и ухом не вел. Все они тоже не значили ничего – до тех пор, пока в его дела не мешаются.

Впереди показалось темное море. Тут путник в плаще впервые заколебался.

«Однако другого выбора нет, – рассудил он. – Хочешь не хочешь, придется снова и снова набираться храбрости...»

Поблизости стояло на якоре немало больших кораблей, но все это было не тем, что требовалось. Страннику вполне хватило бы маленькой лодки, управляемой одним-единственным моряком. У самого берега покачивались на воде три обшарпанных, но вполне подходящих суденышка, некогда великолепно отделанных, однако вся их красота осталась в далеком прошлом. На воде они, скорее всего, удержаться могли, но и только. Справа от них тянулся в черные воды первый причал. На причале ждали погрузки на некое судно, очевидно, еще не прибывшее в порт, около десятка дощатых ящиков. На одном из них восседал, суча узловатыми пальцами рыболовную лесу, старый, но с виду крепкий гоблин – вполне возможно, отец, или брат, или еще какая родня Вихлюну. Стоило новоприбывшему подойти ближе, гоблин поднял на него взгляд.

– Хм-м-м? – только и выдал он поначалу. – Закрыто. Ночь на дворе. Завтра приходи.

– Если ты и есть Головокружилкинс, управляющий пристанью, мне нужен транспорт на тот берег моря. Только не завтра, а немедленно.

Из широченного рукава вновь выскользнул мешочек монет.

– Вот оно как, стало быть?

Старый гоблин почесал длинный подбородок. Вблизи он оказался совсем не так толст и вообще в куда лучшей форме, чем Вихлюн. Вдобавок, и одет он был заметно приличнее: особенно ярко на фоне зеленой кожи выделялись пурпурного цвета рубаха и красные штаны. Намного добротнее выглядели и сапоги управляющего пристанью, широкие, как и вся гоблинская обувь – ведь ступни у гоблинов весьма широки.

– Так ты – это он? – спросил чужестранец.

– Конечно, я, дурень, кто же еще? – осклабился гоблин, продемонстрировав, что большую часть острых желтых зубов, несмотря на преклонный возраст, сохранил в целости. – Но, что касается найма лодки, лучше на кое-какие из кораблей погляди. Куда, говоришь, тебе требуется?

– Мне нужно в Гавань Менетиллов.

– К дворфам, стало быть, в гости? – проворчал Головокружилкинс, будто не замечая в голосе незнакомца никакой странности. – Туда из этих кораблей ни один не пойдет, будь уверен! Хм-м-м... А может...

Внезапно гоблин выпрямил спину.

– А может, и тебе туда не добаться!

Блеснув раскосыми, почти змеиными, черными с кораллово-розовым отливом глазками, он бросил взгляд за спину возможного нанимателя, и тот оглянулся назад.

Да, их появление было делом вполне ожидаемым. Уловка, древняя даже для тех краев, откуда чужеземец явился. Грабители есть грабители, и трюки они неизменно предпочитают опробованные, проверенные на опыте множеством предшественников.

Головокружилкинс выхватил из-за ящика, на котором сидел, длинную палку, увенчанную огромным острым гвоздем, торчавшим из ее тяжелого конца вбок на добрых полфута. Ловкость, с которой управляющий пристанью изготовил оружие к бою, свидетельствовала о многолетнем опыте, однако бросаться на помощь страннику в плаще он не спешил.

– Тронете мое хозяйство, я ваши треклятые головенки в кашу размозжу, – предостерег он пиратов.

– С тобой, Головокружилкинс, мы ссориться даже не думали, – пробормотал один из троицы – тот, что в таверне разглядывал новоприбывшего пристальнее других. – У нас только к нему вот, к другу нашему, небольшое дельце имеется...

Незнакомец медленно повернулся лицом к подошедшим, а разворачиваясь, откинул на спину капюшон плаща. Лицо, иссиня-черные волосы длиной ниже плеч, пара рогов, гордо венчающих голову...

Троица из таверны, вытаращив глаза, дружно подалась назад. Двое заметно встревожились, однако вожак, сплошь покрытый шрамами, вооруженный кривым ножом длиной почти в целый фут, только ослабил.

– Вот оно как... симпатичная дамочка... пусть и неведомой расы. Ну что ж, красавица, подавай-ка сюда кошелек!

– Содержимое моего кошелька не принесет вам особой радости, – отвечала путница, развеяв чары, скрывавшие ее истинный, весьма мелодичный голос, а заодно и манеру речи. – Что – деньги? Тлен, мираж...

– Вот-вот, нам как раз сейчас немного тлена не помешает, верно, ребята? – парировал вожак.

Его товарищи согласно крикнули. Как ни велико было их изумление, а жадность оказалась сильнее.

– Давайте кончать, пока костоломы не пронюхали, – добавил один из двух остальных пиратов.

– Здесь они еще не скоро появятся, – прорычал первый. – Но что верно, то верно: мне вовсе не улыбается откупаться добытым от стражей!

Все трое придвинулись к намеченной жертве.

Но путница решила предоставить им еще шанс.

– Вам вовсе не хочется этого делать. Жизнь драгоценна, кровопролитие – зло, так разойдемся же с миром.

Один из подручных вожака, лысеющий, худой, как скелет, заколебался.

– Послушай, Дарго, а может, она и права? Может, оставить ее в...

Вожак по имени Дарго немедля оборвал его, ударив наотмашь в зубы и смерив свирепым взглядом.

– Что это на тебя нашло, тюлений ты сын?

Второй грабитель ошеломленно заморгал, таращась на рослую женщину.

– Не знаю, – пробормотал он. – Похоже, это она со мной что-то сделала.

Дарго, скрипнув зубами, повернулся к путнице.

– Проклятые маги! Ну, это был последний из твоих фокусов!

– Нет, мое призвание совсем в другом, – поправила чужестранка.

Но Дарго с друзьями ее не послушали. Рассудив, что проворство поможет избежать новых чар, пираты бросились к ней. Согласно здравому смыслу, от любого чародея следовало бы бежать, да поскорее, однако со здравым смыслом дела у грабителей, по-видимому, обстояли неважно.

Из левого рукава плаща показалась ладонь – голубая ладонь, отчасти покрытая сетью блестящих, с медным отливом прожилок, и путница негромко пробормотала на восхитительном родном языке, коего так долго не слышала ни от кого, кроме самой себя, молитву за нападающих.

Вожак вновь повел себя вполне предсказуемо – ткнул ее в грудь клинком.

Путница ловко, не сходя с места, уклонилась от неуклюжего выпада, а когда предводитель грабителей провалился вперед, легонько толкнула его в плечо. Пролетев мимо, пират с разгону врезался в твердые доски соседнего причала.

В то время как он упал, его тощий товарищ выхватил абордажную саблю и полоснул путницу по вытянутой руке. Она грациозно отдернула руку и лягнула пирата в живот, да не ступней – массивным, на удивление твердым раздвоенным копытом.

Второй пират кубарем, точно его с разбегу боднул таурен, отлетел назад, прямо на третьего – горбоносого, несколько шире в плечах. Столкнувшись друг с дружкой, оба запутались в руках и ногах и повалились наземь.

Путница развернулась назад. Из-за ее ушей выдвинулась, обрамляя тонкие, но миловидные черты лица, пара щупалец – единственное внешнее проявление хоть каких-нибудь чувств. Поймав запястье Дарго, вновь бросившегося в атаку, она обратила его же силу против него.

Пират взвыл от боли в захрустевшем плече. Путь его уже вел к земле, а потому оборонявшейся не составило никакого труда уложить негодяя ничком себе под ноги.

Головокружилкинс, по-прежнему восседавший на ящике, фыркнул от смеха.

– Ха! Дрнейские дамочки – воробы стрельяные, а? И красотой притом не обделены!

Взглянув на гоблина, дрнейка не почувствовала в его замечании злого умысла. Тому, что он уже видел дрнеев, или слышал о них, при его-то роде занятий удивляться не стоило. В этот момент он был охвачен искренним любопытством, а еще от души забавлялся – и не более того.

Во время схватки управляющий пристанью занял позицию нейтральную – решение вполне понятное, хоть и не самое лучшее для нее. Дело в том, что дрнейке хотелось бы сохранить свои дела в тайне. Ее занесло не туда, где следовало бы находиться любому из ее племени... но клятва и взятое на себя поручение выбора не оставляли.

– Кость не сломана, – шепнула она, склонившись к Дарго.

Но разозленный грабитель, похоже, не оценил ее жеста. Сказать откровенно, она сделала все, что могла, только бы никого не ранить, невзирая на всю подлость их умысла. К несчастью, без жесткого урока тут было не обойтись, однако теперь все трое сделали куда более склонны прислушаться к ее совету... и уступить воздействию ее дара.

– Вам лучше всего удалиться и забыть о сем инциденте, – ровным тоном объявила дрнейка.

Дар придал ее призыву дополнительный вес. Кое-как поднявшись на ноги, Дарго с товарищами кинулись прочь, будто псы с подожженными хвостами – даже оружия не подобрали.

Дрнейка вновь повернулась к Головокружилкинсу. Гоблин, как ни в чем не бывало, кивнул.

– Конечно, под этим плащом мало что разглядишь, но от тебя просто-таки несет жрицей.

– Да, в моем роде занятий ты не ошибся.

Головокружилкинс заулыбался.

– Жрица, маг, чудище, женщина, мужчина – мне все равно, только деньги плати! Видишь ту красную лодку? – уточнил он, ткнув крючковатым пальцем в сторону берега. – Доброе судно, если найдется, чем расплатиться.

– Найдется, – подтвердила дрениейка. Из недр ее рукава вновь появился все тот же кошелек. – Если я могу быть уверена, что эта лодка доплывет, куда нужно.

– Доплывет, доплывет... только без меня на борту. Нужна команда – так незачем было, хе-хе, ту жалкую троицу отпускать!

Но жрица только пожала плечами.

– Мне нужно только судно в рабочем состоянии. Дальше я справлюсь сама, если судьба не распорядится иначе.

Дрениейка бросила гоблину кошелек. Немедля развязав его, Головокружилкинс высыпал монеты на ладонь и в радостном изумлении поднял брови.

– Ну что ж, этого хватит... хоть и в обрез, – объявил он, ослабившись шире прежнего.

Ни слова более не говоря, жрица подошла к указанной лодке. Обросшие не одним слоем водорослей, борта суденышка были скорее зелеными, чем красными, доски – весьма потертыми, однако изъянов в прочной обшивке она не заметила. Единственным, что сообщало пятидесятифутовому шлюпу способность двигаться, оказалась крепкая мачта с гротом и фоком. Забравшись на борт, дрениейка обнаружила также пару жалких, припасенных на крайний случай весел, покоившихся на крюках, вбитых в борта изнутри.

Несомненно, Головокружилкинс ожидал просьб о припасах, однако охваченной необычайным нетерпением жрице очень уж не хотелось мешкать и торговаться ради того, что ей, по всей вероятности, не потребуется. Она и так не одну неделю потратила зря, пустившись по ложному следу, а припасенного должно было хватить на дорогу с лихвой.

Управляющий пристанью снова хмыкнул, и дрениейка, даже не глядя в его сторону, поняла: гоблин гадает, что она будет делать дальше. Да, для Головокружилкинса путешествница оказалась неплохим развлечением на сон грядущий...

Слишком ли разочарует его то, что у нее на уме? С этой мыслью жрица взялась за шкоты и паруса, умело, как опытный (только набравшийся опыта не в тех морях, с которыми мог быть знаком гоблин) мореход, готовя судно к отплытию.

Покончив с этим, дрениейка спрыгнула на берег, оценила тяжесть судна, ухватилась за борт, толкнула...

Головокружилкинс издал изумленное «хм-м-м». Чтобы столкнуть лодку на воду, требовались двое, а то и трое крепких мужчин. К счастью, жрица полагалась не столько на грубую силу, сколько на точный расчет и чувство равновесия.

Лодка беззвучно скользнула в воду, и дрениейка, поблагодарив наставников за науку, прыгнула на корму.

– В море нынче так же опасно, как и на суше, не забывай! – жизнерадостно крикнул гоблин ей вслед, и, снова хмыкнув, добавил: – Счастливого тебе плавания!

В предупреждениях управляющего пристанью жрица ничуть не нуждалась. За несколько минувших недель ей доводилось сталкиваться с тьмой, стремящейся поглотить мир, куда чаще, чем хотелось бы. Не раз и не два на пути к цели смотрела она в лицо смерти, но милостью наару осталась в живых, дабы продолжить погоню.

Однако, когда Кабестан, когда весь Калимдор быстро исчез во тьме и лодку со всех сторон окружили морские воды, дрениейка почувствовала: нет, серьезных опасностей ей еще не встречалось. Теперь, зная, что взяла настоящий след, жрица понимала и то, что те, за кем она охотится, неминуемо заметят ее приближение.

Заметят, и уж тогда постараются ее погубить.

«Ну, а как же иначе», – подумала дрениейка. В конце концов, она взяла на себя это дело по собственной воле, по собственному желанию.

Взялась за него, пусть даже все знакомые теперь считают ее безнадежно спятившей.

Глава третья

– Ушли! – яростно прорычал эльф крови. – Ушли!

Женщина в черном воззрилась на него из-под вуали. Да, эльф превосходил ее ростом на дюйм-другой, однако это не она, а он словно бы смотрел на нее снизу вверх.

Не говоря уж о том, что под ее леденящим кровь взглядом разом умирил свой гнев.

– Сие, Зендарин, самоочевидно, как и тот факт, что нам нет нужды о них беспокоиться. Судьба бедняжек уже решена, и тебе это прекрасно известно.

– Но дальнейшие наблюдения за их развитием позволили бы так много узнать! Подобного рода магии еще никто на свете не видывал!

При виде алчности, вспыхнувшей в мерцающих глазах Зендарина, стоило ему заговорить о магии, его собеседница пренебрежительно улыбнулась и легонько погладила вуаль, прикрывавшую страшный ожог на лице.

– Пустяк, эльф крови. Пустяк в сравнении с тем, чего я достигну в итоге.

Эльф склонился перед ее мудростью и мрачным величием, но все же добавил:

– Чего мы достигнем в итоге, моя повелительница.

– Да... чего мы достигнем в итоге, мой честолюбивый маг.

Ни слова более не говоря, дама в черном отвернулась. Оба стояли у входа в одну из верхних пещер, что вели в подземелья, насквозь пронизывавшие весь Грим Батол. Расположенный много выше подножья горы, этот вход был куда удобнее большинства нижних – разумеется, если внутри рады гостю. Гости же нежеланные обнаружили бы, что путь в подземелья изобилует тайными ловушками, включая караульных, укрытых от глаз чарами Зендарина.

И горе незванным пришельцам, окажись они чародеями...

Эльф крови в последний раз обвел взглядом окрестности Грим Батола. За пределами пустошей, окружавших подножье горы, простиралась Болотина, набравшая прежнюю силу, утраченную во времена пленения орками красных драконов. Однако буйная зелень этих земель была обманчива, так как таила в себе множество естественных и сверхъестественных опасностей – прекрасный заслон на пути сонма все тех же незваных гостей. В водах болот охотились шестилапые кроколиски. Племена гноллов, исполненных страха перед Зендарином и его госпожой, тоже присматривали за глупцами, дерзающими сунуться слишком близко к горе. Среди самых ужасных из стражей числились чудовищные слизюки, желеобразные твари, способные поглотить любого зверя, какой им ни попадется, а в землях посуше, на северо-востоке, водились огромные хищные ящеры, всегда готовые полакомиться свежим мясом.

«Так полна жизни и так полна смерти», – подумал Зендарин. Болота разительно отличались от привычных величавых лесов – краев, куда ему не терпелось вернуться, едва он достигнет желаемого.

Сдерживая проклятья в адрес неудобств, которые приходится претерпевать из-за своего ремесла, Зендарин двинулся за женщиной под вуалью. Прошлую ночь ему с драконидами пришлось провести в погоне за добычей, которую он полагал столь ценной, что позволил оставшимся дворфам разбежаться по укромным норам, как перепуганным кроликам... Впрочем, почему «как»? И это после данной госпоже клятвы покончить с этой напастью раз и навсегда! В последнее время дворфы досаждали им все серьезнее, и, хотя оба они сошлись на том, что итоговому успеху их экспериментов потуги дворфов не угрожают, замедлить работу коротышкам было вполне по силам. Потому он и разработал этот план – безупречный план, надо сказать!

Вот только Зендарин никак не мог знать заранее, что именно в этот момент паре их «экспериментов» взбредет в голову бежать из Грим Батола.

– Как это произошло? Как это произошло? – поинтересовался он, едва сохраняя учтивый тон, хоть и знал, что собеседница может с ним сделать, если хотя бы придет в раздражение.

В самом деле, двух весьма дельных помощников госпожа уже предала смерти, и за что? За мелкие проступки. Конечно, его умения ей очень и очень нужны, но осторожность не мешает. Возможно, спутница Зендарина и безумна, однако это не отменяет ее гениальности.

– Стерегишие их драконоры проявили беспечность. Им было сказано, что эти двое могут оказаться невосприимчивы к кое-каким из магических уз, и при малейшем намеке на это стражам надлежит звать на помощь меня. Очевидно, эти глупцы сочли опасность не стоящей того, чтобы меня беспокоить.

Эльф крови проклял незадачливых стражников. Четвероногие драконоры великолепно умели устраивать резню, а приказы, как правило, выполняли исключительно точно. Да, они были не столь умелы и хитроумны, как человекоподобные драконицы, но в данной ситуации это никакой роли не играло. Драконоры управлялись с задачами куда сложнее несения караула, и в такую нелепую ошибку он просто поверить не мог.

– За это я вырву их черные сердца из...

– Можешь не утруждаться. После побега от них не осталось почти ничего. Об этом детишки позаботились.

Цокнув языком, женщина в черном вновь коснулась вуали. По подземельям она шествовала безмятежно, точно королева в собственном замке.

– Вдобавок, из всего этого может выйти весьма интересное испытание.

– «Испытание»? Моя повелительница, они учинят такие разорения, что ими непременно заинтересуется кто-то из сильных мира сего! К примеру, кто-то из Даларана, а то и еще хуже!

Что может повлечь за собой это «еще хуже», Зендарин прекрасно себе представлял. В Азероте существовали силы, далеко превосходящие могуществом всех уцелевших даларанских волшебников и даже всех магов его народа, вместе взятых.

Однако в ответ на его заявление дама в черном лишь улыбнулась – только на сей раз холодно, предвкушающе.

– О да... весьма вероятно, кто-то ими заинтересуется... весьма вероятно, кто-то пожелает узнать, в чем тут дело...

Прежде чем Зендарин успел возразить, оба вышли на верхний ярус просторного подземелья, где до сих пор силился вырваться из магических уз их исполинский пленник, главный предмет всех их трудов. Вокруг мерцающего гиганта лихорадочно суетились скардины, непрерывно проверяя надежность серебристых нитей, удерживавших дракона пустоты на месте, да поправляя новые белые кристаллы, недавно расставленные госпожой по местам для следующей попытки.

– Грязные твари, – проворчал Зендарин.

Во всем, что касалось эстетики, эльф крови ничем не отличался от прочих эльфов. Стоило одному из созданий в клобуке, подбежав к госпоже, подать ей небольшой куб с лазоревыми полосками на каждой грани, длинный нос Зендарина сморщился сам собой.

– Послушные твари, – поправила его спутница, отпуская скардина, а когда подобное дворфу существо поспешило к товарищам, продемонстрировала Зендарину куб. – Видишь? Все, как я им и велела.

Отвращение уступило место вновь проснувшейся алчности. Глаза Зендарина засияли зеленым огнем.

– Значит, теперь дело лишь за яйцом?

– Как и всегда, верно? А-а... вот и яйцо несут...

Внизу появилась еще четверка скардинов. Кряхтя от натуги, чешуйчатые карлики тащили над головами огромное овальное яйцо... яйцо длиной почти в целый ярд. Толстую серую скорлупу покрывало некое маслянисто блестящее вещество, капавшее на носильщиков сверху. Что это за яйцо, сомнений не оставалось.

То было яйцо дракона.

– Им следует поспешить! – воскликнул Зендарин, помня о том, как хрупка добыча, несмотря на всю ее тяжесть. – Яйца недолго сохраняют свежесть!

Не проявляя ни малейших тревог, его спутница двинулась вниз, к полу пещеры.

– Слой мятиса предохранит его. Мьятис предохраняет все, что им смазано, сколько бы времени ни прошло.

Осознав весь немалый возраст, всю ценность этого яйца для их трудов, Зендарин был изумлен до глубины души. Действительно, не будь это яйцо сохранено при помощи темных искусств, им и надеяться было бы не на что.

В который раз он, проживший столько сотен лет, столько в жизни достигший, дивился ее познаниям!

Вниз он спустился как раз в тот момент, когда скардины уложили яйцо на каменный помост, установленный напротив связанного дракона пустоты. Пленный исполин глухо, сдавленно зарычал, чем весьма позабавил женщину в черном.

– Потерпи, потерпи, – проворковала она, будто урезонивая младенца.

Избавившись от тяжелой ноши, скардины отступили прочь. Увенчанный прямоугольной, в угольно-черных прожилках плитой из гранита, покоящейся на округлом основании из точно такого же камня, помост очень напоминал алтарь. Плиту поддерживали над основанием две пары резных каменных ножек в виде драконов, поднявшихся на задние лапы. Где госпожа раздобыла такое чудо, Зендарин не знал, но чувствовал и его невероятную древность, и множество сотворенных с его помощью чар. Камень насквозь пропитался тайными магическими силами, внушавшими эльфу крови мучительную зависть. За время долгого существования помост повидал великое множество чар – особенно того рода, что требовали принести в жертву невинную душу, судя по бледно-красным пятнам на поверхности плиты.

То, что его участие в этой затее тоже требовало кровавых жертв, Зендарина никоим образом не тревожило. Несмотря ни на что, он вовсе не считал собственные деяния чем-то чудовищным. Амбиции? Да. Необходимость? Да. Но что во всем этом дурного? Им, как и многими ему подобными, двигала жажда, неодолимая тяга к магической силе... чего бы она ни стоила. Все содеянное он считал попросту необходимыми средствами для достижения цели.

Ну, а с тем, что по пути к ней еще многим предстояло расстаться с жизнью, он ничего поделать не мог, да и не желал. В конце концов, это всего лишь дворфы, люди и прочие низшие существа.

Женщина в черном смерила яйцо долгим изучающим взглядом, словно могла разглядеть его содержимое сквозь толстую скорлупу. Установив перед яйцом лазоревый куб, она улыбнулась пленному исполину и провела кончиками длинных чутких пальцев по защитному слою.

Мьятис с шипением испарился.

– Присоединись ко мне, дорогой Зендарин.

Зендарин охотно встал рядом и соединил собственные магические силы с ее колдовством. Самая суть его способностей, способностей эльфа крови, и придавала ему особую ценность в глазах госпожи, и позволяла, в определенных пределах, высказывать вслух недовольство. Он обеспечивал госпоже магию особого рода, единственную на свете магию, способную ей помочь, так как в основе ее лежало, можно сказать, вампирское выкачивание, высасывание силы из демонов и иных обитателей Круговерти Пустоты. Этим искусством Зендарин владел мастерски, и потому его мощь сейчас достигала наивысшей точки.

Вдобавок, в его распоряжении имелись те, кто предоставлял ему другие источники магической силы, бесценные слуги, которыми дама в черном не могла завладеть сама, не лишившись при том и их, и Зендарина. Еще одна причина смириться с его нетерпением...

Стоя с ней рядом, Зендарин точно так же прижал ладони к яйцу. В молчании оба, соединив магические силы, придали им неповторимую форму. Куб и белые кристаллы вспыхнули, засияли.

Госпожа Зендарина протянула левую руку в сторону плененного дракона пустоты.

Белые кристаллы зловеще загудели. От каждого к пленному зверю потянулся ослепительный луч.

Отовсюду, где б свет кристаллов ни опалил тело рвущегося на волю дракона, прынули вверх синие щупальца, потоки колдовской силы. Несмотря на серебристые нити, стягивавшие драконью пасть, подземелье содрогнулось от полного муки стона.

Направляемые чародейкой, потоки силы устремились вниз, заструились к яйцу. Оно содрогнулось, выросло вдвое против прежнего, скорлупа приобрела оттенок лазури.

– Пора, – шепнула Зендарину женщина в черном.

Оба разом направили свои силы в самую глубину структуры заклинания, смешивая их с краденой мощью дракона пустоты. Подземелье вмиг озарилось сполохами буйных потоков энергии, стремящихся в одну точку – к яйцу. Пусть и неузвимые для большей части магии благодаря искусным трудам госпожи, скардины разбежались по самым дальним углам. В глубине души оставшиеся дворфами, они справедливо опасались возможного обвала, но и о каре, ожидающей тех, кто сбежит из пещеры в столь важный момент, помнили великолепно.

В воздухе затрещали искры. Темные локоны чародейки поднялись кверху. Вместе с ними поднялась и вуаль, явив всем взорам страшный ожог в половину лица. Полные губы заканчивались опаленной плотью, обрамлявшей зубы, оскаленные в вечной улыбке. Ухо под верхним краем вуали оказалось всего лишь клочком съезжившейся кожи над темной дырой.

Женщина в черном вскинула руки ввысь, и Зендарин сделал в точности то же самое. Оба продолжали вливать в яйцо объединенные силы, а чародейка тем временем тянула, тянула из связанного дракона пустоты самую его сущность, квинтэссенцию его естества.

Дракон начал рваться на волю отчаяннее прежнего. Как бы ни тщетны были его потуги, пещера задрожала снизу доверху, а с высокого потолка, треснув, рухнул на пол огромный сталактит. Слишком нерасторопный скардин, не заметивший вовремя, что происходит, угодил под удар и был раздавлен на месте – еще одна пустяковая смерть, не заслуживающая внимания чародеев...

Ззеруку (эльфу крови вспомнилось, как дракон пустоты называл себя) замерцал, словно вот-вот рассеется, обернувшись туманом. Однако серебристые нити, удерживавшие его в плену, не позволяли зверю из Запределья сбежать даже в царство мертвых. Нити держали Ззеруку неумолимо и даже натянулись еще туже, повинувшись безмолвному приказанию госпожи.

Все больше и больше магической силы, а на деле – квинтэссенции дракона пустоты вливалось в разбухшее яйцо, смешиваясь внутри с мощью двух чародеев. Яйцо так прибавило в величине, что Зендарину показалось, будто оно готово лопнуть...

И вправду – в боку яйца вдруг появилась трещина.

Однако это не разгневало, не раздосадовало никого, так как в следующий же миг обоим сделалось ясно: трещина если и порождена их стараниями, то лишь опосредованно. Истинная же причина находилась там, внутри, и теперь стремилась наружу.

Стремилась выбраться из скорлупы.

В сиянии зачарованного яйца лицо стоявшей рядом сделалось много чудовищнее физиономий скардинов. В его выражении появилось нечто нечеловеческое... что и неудивительно: ведь человеческого в чародейке было не больше – а правду сказать, куда меньше, – чем в эльфе крови.

– Да... дитя мое, – едва ли не с материнской нежностью прошептала она, – да... иди же ко мне...

Рядом с первой трещиной появилась вторая. Кусок скорлупы отвалился, упал, и...

Из яйца наружу выглянул глаз – глаз, каких ни один из присутствующих в жизни не видывал.

Глаз этот, глаз существа, едва появившегося на свет, лучился коварством, злом... злом несказанно, неизмеримо древним.

Бухта, отделявшая лордеронские земли – и, в частности, Даларан – от окрестностей Грим Батола, была широка, но Кориалстраз мог пересечь ее не более чем за пять часов. Однако всего лишь на середине пути красный дракон был вынужден приземлиться на крохотный скальный выступ, торчавший над бурными водами, и устроиться на нем, точно чайка, чтобы передохнуть. Сомнений быть не могло: кристалл, наконечник волшебной стрелы, отнял у Кориалстраза куда больше сил, чем он думал.

Вот только возможности для восстановления сил ему не представилось: внезапно на море поднялась буря. Ветер дунул столь яростно, что алый исполин тут же оставил все мысли об отдыхе, и, не без труда поднявшись в воздух, полетел дальше.

Однако стихии явно ополчились против него: шторм лишь усилился. Хоть и силен был Кориалстраз, ветер швырял его из стороны в сторону, будто опавший лист. Тогда он устремился ввысь, к облакам, думая пролететь над штормом, но, как ни старался достичь их, облачная пелена оставалась высоко над головой.

Тут красный гигант, наконец, понял: эта буря – не просто игра стихий.

Оставив попытки добраться до недостижимого, Кориалстраз полетел к Грим Батолу напрямик. Однако, едва он свернул в нужную сторону, ветер дунул навстречу, ударил в грудь с такой силой, что красному дракону почудилось, будто он с лету врезался в гору.

В случайность всего этого он не верил. Да, то были чары, однако направленные именно на него, или же на любого дракона, какой подвернется – поиск ответа на этот вопрос следовало отложить до лучших времен. Сейчас главной задачей стало уйти от враждебного колдовства.

Логика подсказывала, что с магией лучше всего биться магией... вот только в разумности этой идеи Кориалстраз сомневался. Однако ничего лучшего ему в голову не пришло. Превозмогая ярость бури, красный дракон ударил по мрачным тучам.

Но как только он сделал это, вокруг поднялся ураган десятикратно сильнее прежнего. Сверху залпом ударили молнии, а шквалистый ветер перевернул дракона вверх брюхом. Теперь он видел не дальше кончика носа: все заслонила серая пелена частого ливня.

Преодолевая головокружение, Кориалстраз с горечью осознал: мощь шторма умножилась за счет его собственной силы... на что, несомненно, и рассчитывал неведомый чародей.

Дракона кружило, вертело так, что не выровняться. Тучи перед глазами сменялись морем, а море – тучами. Выбора не было: взлететь к небесам Кориалстраз не мог. Путь оставался только один, пусть даже невидимый враг, весьма вероятно, желал бы именно этого.

Изогнувшись дугой, Кориалстраз нырнул в кипучие волны.

Уходя под воду, он не сомневался, что совершает ошибку, но назад повернуть не мог. Несмотря на острое зрение, Кориалстраз почти ничего не видел. В считанных ярдах от него воды огромной бухты сделались черными – вновь вовсе не по капризу стихий. Возможно, со дна поднимается чудище всемеро больше него самого, готовясь его проглотить, а дракон ничего не замечает...

В отличие от некоторых драконов, рожденных для водной стихии, красные лучше всего чувствовали себя в небесах, однако и плавали превосходно. Сам Кориалстраз мог сдерживать дыхание больше часа, если, конечно, кто-либо не заставит его сделать выдох, однако, чем скорее он вернется на воздух, тем лучше.

И тут в голове зазвучали неведомо откуда взявшиеся тихие голоса.

Охваченный новым приступом головокружения, Кориалстраз больше не мог отличить верха от низа. Дракон немедля рванулся к поверхности, но вместо бури его встретила лишь леденящая душу тьма.

Тем временем голоса зазвучали громче, запели на смутно знакомом ему языке. Одолеть соблазны этого зова оказалось непросто, но Кориалстраз понимал: каждый миг пребывания в их силках неслыханно уменьшает надежды остаться в живых.

Тьма окружала его со всех сторон. Глубокие воды сдавили Кориалстразу грудь, и это заставило алого исполина задаться вопросом, не пробыл ли он без воздуха дольше, чем думает. Чувство времени, чувство пространства – ничего этого более не существовало: все заглушили собою поющие голоса.

«Ну нет, меня этим не возьмешь!» – поклялся дракон, вызвав в памяти новый образ, образ возлюбленной королевы и супруги, Алекстры, однако это видение сразу же потускнело, начало меркнуть с угрожающей быстротой.

Плохо дело...

Но все это только прибавило Кориалстразу решимости. В отчаянии, собрав все силы, он сотворил заклинание.

Вспыхнувший вокруг свет разогнал темноту морской глубины.

В этом свете дракон смог увидеть причину своих невзгод.

Наги...

Как они появились на свете, он знал, ибо, на собственный взгляд, сам был отчасти виновен в их сотворении. Когда-то они принадлежали к расе ночных эльфов, к Высокорожденным, служившим безумной королеве Азшаре. Когда причина их невероятного могущества, Источник Вечности, благодаря стараниям горстки непоколебимых защитников – особенно юного друида по имени Малфурион Ярость Бури – взорвался, блистательная столица ночных эльфов ушла на дно сотворенного взрывом моря. Вместе с городом канули в морскую пучину – где, по всей вероятности, и встретили гибель – Азшара с фанатически преданными ей сторонниками.

Лишь спустя тысячи лет Кориалстразу и всему миру предстояло узнать, что некая таинственная сила превратила навеки оставшихся в плену волн в нечто куда более страшное.

Внезапная вспышка невероятно яркого света застала наг врасплох. Некоторые, совершенно сбитые с толку, ошеломленные силой заклинания, закружились, закувыркались в воде. Ставшие нагами, каких-либо эльфов они более не напоминали. Женщины-наги, с которых Кориалстраз в эту минуту не сводил недоброго взгляда, сохранили кое-какое смутное сходство с эльфами – выразившееся, по большей части, в стройности тела и чертах узких, удлинённых лиц. Пожалуй, они были даже красивы, пусть и своеобразной, ужасающей красотой. Однако ни одна из эльфийских рас не могла бы похвастать двумя парами ловких рук, заканчивающихся длинными когтистыми пальцами, не говоря уж о широких, шипастых, испещренных прожилками золотых плавниках, короной венчающих головы и тянущихся от темени вниз, до самых хвостов.

Ну, а хвосты представляли собою все, что имелось у наг ниже пояса – стройные ноги они давным-давно утратили. Хвосты их больше всего напоминали хвост огромной змеи – членистые, сплошь покрытые чешуей. Извивающиеся из стороны в сторону, они сообщали нагам невероятную быстроту и маневренность в воде.

Наги-мужчины выродились гораздо сильнее, чем женщины: низкие, будто змеиные, лбы, по-крокодильи длинные морды, клыкастые пасти, узкие, глубоко посаженные глаза... Их гребни и плавники, местами острые, точно копья, имели более темный, золотисто-коричневый цвет, а тела, также членистые, покрытые чешуей, не настолько разительно отличались от хвостов. Чешуя покрывала даже их руки, необычайно могучие, мускулистые по сравнению с руками большинства прочих созданий схожей величины.

Со временем наги разделились на множество разных племен, но об этих, сине-зеленых с черным, если не считать золота плавников, чешуйчатых тварях Кориалстраз не знал ничего, кроме того, что они явно весьма могущественны и замышляют недоброе. Впрочем, большего

ему знать и не требовалось. Любви к живущим на суше от наг ожидать не стоило, но эти, устроившие Кориалстразу столь колоссальную западню, зашли слишком уж далеко.

Зачем им это понадобилось, размышлять было некогда. Свет начал меркнуть, и наги снова сплестили ряды.

Однако теперь, видя их, дракон без труда смог пустить в дело лапы и хвост. Под его ударами злые твари разлетелись в стороны. Некоторые тут же пошли ко дну, канули в непроглядную темень, но остальные принялись лихорадочно восстанавливать чары, едва не погубившие алого исполина.

Тело Кориалстраза окутала красная вспышка, вода вокруг разом вскипела, обдав наг волнами жара. Голоса их, звучавшие в разуме дракона, перешли в пронзительный визг. Больше всех досталось двоим нагам в переднем ряду: обожженные тела их побагровели, чудовищно вспухли.

Тут в голове дракона зажужжало. Бросив взгляд вниз и вправо, Кориалстраз увидел нагу, тянущую в его сторону все четыре руки и тоже окутанную мерцающей аурой магии.

Ну что ж, усилить жар, окружавший тело, для него было проще простого. Почувяв, что и ее вот-вот обдаст кипятком, нага поспешила сбежать. Жужжание в голове стихло.

Однако легкие Кориалстраза внезапно заныли. Ужасно захотелось вдохнуть. Ему нужен был воздух, и как можно скорей. Отчаянно заработав лапами, красный дракон устремился наверх.

Поверхность казалась такой далекой, что в изголодавшемся по воздуху мозгу Кориалстраза мелькнула жуткая мысль: уж не плывет ли он не наверх, а вниз? Однако иного выхода не было. Оставалось одно – плыть в выбранном направлении.

Боль в легких сделалась ужасающей. Ему бы один только вдох...

И вот, наконец, голова его поднялась над водой. Однако, даже наполнив изголодавшееся легкое воздухом, Кориалстраз не замедлил движения. Магия вкупе с крыльями, размахом превосходящими длину многих других драконов, помогла ему взвиться высоко вверх.

Небеса по-прежнему хмурились, однако шторм унялся.

Несмотря на нешуточную угрозу со стороны наг, Кориалстразу пришлось на время зависнуть в воздухе, чтобы отдышаться и хоть немного прийти в себя. Тучи были все так же густы, но море успокоилось – более того, сделалось тихим, точно могила.

Вдруг из воды поднялось множество гибких щупалец, ухвативших дракона за задние лапы, за хвост, потянувшихся к крыльям.

Взревев, Кориалстраз немедленно нацелился туда, где все они сходились воедино, и дунул, что было сил. Выпущенная им струя пламени оказалась не такой мощной, как он надеялся, однако заставила подводное чудовище отпустить одну из его лап.

Но прочие щупальца по-прежнему тянули алого исполина вниз, угрожая увлечь его в воду. Тогда Кориалстраз заработал крыльями. Он, хоть и не Аспект, но дракон не простой, и сейчас ручная зверушка наг в этом убедится...

Невероятно, однако морская тварь не утащила Кориалстраза под воду, нет – это он медленно, но неумолимо потянул обладателя щупалец из глубины наверх. Вначале над водой показался острый клюв – хищная пасть, способная перемалывать в щепки величайшие из боевых кораблей. За ним появилась длинная трубчатая голова и пара злобно поблескивавших блюдец черных немигающих глаз.

Кракен...

Как небольшой шайке наг удалось заманить этакую тварь сюда, в бухту, Кориалстраз даже представить не мог. Но главное заключалось в другом: чудовищный зверь оказался невероятно тяжел. Обремененный его весом, дракон утратил разгон, и море вновь начало приближаться.

Выбора не оставалось. На волосок от падения, Кориалстраз дунул огнем еще раз, вложив в дыхание все оставшиеся силы.

Не встретив на пути водной преграды, мощная струя пламени окатила кракена целиком. Морское чудовище разжало хватку и с пронзительным воем рухнуло вниз, в море. Поднятая им волна достигла кончика хвоста Кориалстраза и лишь после пошла на убыль.

Торжествовать победу огромный красный дракон не стал: тут бы сознание не потерять. Невзирая на ужасную слабость, Кориалстраз быстро понесся к цели. Как ни короток был оставшийся путь, он не знал, сумеет ли добраться до суши, прежде чем силы покинут его окончательно. Оставалось одно: лететь.

Лететь и не терять надежды...

Пока исполинский красный дракон улетал, уменьшался вдали, морские воды хранили спокойствие – до тех самых пор, пока над водой, провожая взглядом удаляющегося гиганта, не подняла голову одна из наг.

Раскосые глаза наги, не мигая, взирали вслед Кориалстразу, пока он не превратился в темное пятнышко у самого горизонта. Тут над водой поднялась еще одна голова – голова утраченного нага. С лица его, справа, у подбородка, была содрана чешуя – одно из самых легких, несерьезных ранений, нанесенных ударом драконьего хвоста. Не обращая на рану никакого внимания, наг устремил пристальный взгляд в ту же сторону.

– Дело сделано, – негромко проскрежетала нага. – Нас пощадят.

Наг, ухмыльнувшись, кивнул. Последовала его примеру и нага, обнажив в улыбке не менее острые, не менее жуткие зубы.

С этим оба снова скрылись в воде.

Глава четвертая

Зловещие земли, поднявшиеся впереди, на горизонте, именовались Каз Моданом. О происхождении этого названия у дренейки, закутанной в плащ, сведений не имелось, но само звучание этих слов заставило ее собрать волю в кулак. Она знала, что в этих краях обитают орки, но, кроме них, здесь жили и дворфы. Обе эти расы дренейке были знакомы. Оставалось только надеяться, что, если дело дойдет до столкновения, встретиться ей доведется с одним из обитателей подземелий, а не с зеленокожими воинами: как-никак, дворфы – все же союзники.

Поначалу островного поселения, куда она стремилась попасть, было не разглядеть, но мало-помалу на далеком берегу показались постройки. Самой заметной из них оказалась прочная каменная стена на дальнем краю Гавани Менетиллов, защищавшая (это дренейка выяснила заранее) город от вторжений с суши. Затем в редющей пелене утреннего тумана проступили очертания зданий повыше и огромных ветвистых деревьев.

Одно из зданий особенно привлекало взгляд. Казалось, возвышающиеся над всем остальным башни крепости Менетиллов стоят в карауле, берегут покой поселения, будто суровые стражи – тем более, что конусы их вершук очень напоминали островерхие шлемы. Меж четырех башен виднелось величавое, точно собор, главное здание – всего этажом ниже, но зато много шире.

В то время как Гавань Менетиллов впереди обретала отчетливость форм, одинокая путница поняла, что вскоре и караульные, в свою очередь, заметят ее приближение.

И вправду, спустя всего пару минут, один из кораблей развернулся и пошел ей навстречу. Команда его состояла, в основном, из людей, однако на борту имелась и горстка отчаянных дворфов. Как правило, в море дворфы держались не слишком уверенно, а упав за борт, имели обыкновение камнем идти ко дну, но нынешние времена требовали мужества особого рода.

Едва корабль поравнялся с ней, один из людей, перегнувшись через борт, смерил нежданную гостью изучающим взглядом, и лицо его, обрамленное бородой, вытянулось от удивления.

– Миледи? – пробормотал он. – Нечасто мы видим твой народ в этих землях... а уж такого явления я, определенно, в жизни еще не встречал.

С этими словами он наклонился еще ниже, и дренейка смогла разглядеть на нем потускневшую кирасу, знак офицерского звания. Невзирая на бороду, годами он для такого ранга был молод – вероятно, не старше нее. Недавние кровопролитные войны изрядно сократили число боеспособных воинов-ветеранов с обеих сторон.

– В Гавани Менетиллов мне нужно всего лишь сойти на берег, – отвечала дренейка. – Если, конечно, ты этому не воспрепятствуешь.

На берег она так или иначе сойдет, что бы он ни ответил, но упоминать о том вслух жрица не стала.

По счастью, офицер оказался созданием здравомыслящим. Дренеи были союзниками, так отчего бы отказывать одной из них во входе в крепость Альянса?

– На берегу тебе придется ответить на несколько вопросов, а в остальном, миледи, не вижу причин преграждать тебе путь.

Обернувшись, он велел одному из матросов спустить с борта веревочный трап. Заросший щетиной мореход спустился в лодку и взял управление на себя, еще один придержал трап, и дренейка вскарабкалась наверх.

– Приветствую тебя на борту «Дочери бурь», временно укрывшейся в Гавани Менетиллов. Я – ее новый капитан, Марк Уиндтерн.

Вблизи предводитель людей выглядел еще моложе. Его ярко-голубые глаза лучились простодушием, но что-то в их взгляде подсказывало: перед дренейкой опытный, закаленный воин, а не юный аристократ, получивший назначение благодаря одной только родословной.

Представился он с учтивым низким поклоном, но глаз от нее не отвел ни на миг. Их взгляд предлагал – нет, даже настаивал, чтоб и она в свою очередь назвала себя. Дренике мгновенно стало ясно: Марка Уиндтерна, несмотря на все его внешнее простодушие, одурочить непросто.

– Меня зовут Ириди.

Этим коротким ответом офицер остался удовлетворен.

– Итак, миледи Ириди, не ищешь ли ты кого-либо в Гавани Менетиллов?

Ее голова едва уловимо качнулась из стороны в сторону.

– Нет. Дела зовут меня дальше, за пределы этого города.

– За пределами города – Болотина, изобилующая опасностями, а больше почти ничего и нет.

– Именно в ту сторону мне и нужно.

На это Марк Уиндтерн только пожал плечами.

– У меня нет причин мешать тебе, и если командующие Гаванью Менетила не рассудят иначе, твоя участь, миледи, – дело твое и только твое.

Поклонившись ей, он принялся отдавать приказания. «Дочь бурь» развернулась и направилась назад, к поселению.

Сторгованную лодку Ириди оставила на попечение капитана Уиндтерна: суденышко сделало свое дело и более ей не требовалось. На берегу ее встретили несколько дворфов с обладателем самой пышной и длинной бороды во главе. И он, и весь его отряд были вооружены прекрасно отточенными боевыми топорами, торчавшими из-за спин воинов.

– Я – Гартин Камнетолк, – пророкотал он после того, как Ириди представилась, и коротко, небрежно поклонился. Этот жест отличался от учтвого поклона капитана-человека, как небо от земли. – Дрениев, леди, у нас тут немного. А ежели точнее, вовсе ни одного.

– Тебе, старый боров, ее опасаться нечего! – жизнерадостно крикнул Марк с борта отходящей от пристани «Дочери бурь».

Дворф грозно рыкнул на человека, однако в его глубоко посаженных карих глазках мелькнули искорки добродушия, свидетельствовавшие, что с капитаном они друзья.

– Как я и говорил, – продолжил Гартин, повернувшись к Ириди, – вовсе ни одного. Что привело тебя в Гавань Менетиллов?

– Здесь я надолго не задержусь. Для выполнения задания мне нужно следовать дальше.

– И что же у тебя за задание? Таким, как ты, дальше, в Болотину, ходить не стоит. Там водятся твари похуже ящеров.

Ириди спокойно взглянула ему в глаза.

– Твоя забота весьма похвальна, мастер Гартин Камнетолк, но за меня можешь не опасаться. Я иду туда, куда предназначено судьбой.

– Таких, как ты, я уже видел. Жрица, вот кто ты такова. Вы на короткой ноге с какими-то «нору»...

– Наару.

– Ну да, а я что говорю? – упрямо возразил Гартин, пожимая плечами. – С какими-то загадочными существами, или кто они там... Не выпускать тебя за стены у нас причин нет, но последнее слово – за правящим советом, а их решения придется подождать. До вечера.

Да, род занятий многому научил Ириди в отношении ценности терпения, однако дожидаться чьего-то решения в деле, ею самой давным-давно решенном, ей было вовсе не по душе. Из Гавани Менетиллов она двинется дальше, в этом сомнений быть не могло.

Тем не менее, она смиренно склонила голову и ответила:

– Ну что ж, будь по-твоему. Где я смогу найти пропитание?

Дворф понимающе хмыкнул.

– О, рынок я тебе покажу... и компанию составлю, пока совет не решит, как с тобой быть.

Тут Ириди поняла, что дворф не так прост, как показалось ей на первый взгляд. Гартин понимал: предоставленная сама себе, дрениейка купит провизии куда больше, чем требуется на один день – достаточно, чтоб продолжать путешествие. Выходит, нравится ей это, или нет, а вечера придется дожидаться.

Но, так ли, иначе, а город она покинет до наступления утра.

Гартин оказался куда более приятным спутником, чем Ириди могла ожидать. Охотно объяснив все, с чем дрениейке довелось столкнуться на рынке, он намекнул и на беды, постигшие город в недавнее время.

– Нынче у нас тут не только Орда, – заметил дворф, пока Ириди изображала живой интерес к какой-то керамике. – Говорят, там, за Болотиной, еще что-то недоброе зашевелилось. И тени, закрывающие луну, и вопли – будто бы демоны разорались...

Между тем жрица, хоть и не сводила взгляда с товаров купца, слушала его в оба уха.

– Демоны?

– Точно так, хотя своими глазами их никто не видал. Однако немало разведчиков не вернулись оттуда, вот совет и решает, что дальше делать, как бы во всем разобраться. Я слышал, они готовят письмо к королю, – продолжал Гартин, имея в виду, насколько Ириди могла судить, правителя собственного народа. – Но мне так думается: если он до сих пор никого не прислал, то и сейчас никого слать к нам не собирается...

Этого откровения, а затем еще нескольких схожих, оказалось довольно. Ириди окончательно убедилась: она на верном пути. Одних «воплей демонов», о которых упомянул Гартин, с лихвой хватило, чтобы ей отчаянно захотелось продолжить путь... только бы дожидаться ответа от городских властей.

Ответа властей она дождалась, но, как и предсказывал Гартин, лишь после заката, к ночи. И, что еще важнее, оказался он не таким, какого ей бы хотелось.

Приняв от одного из своих воинов записку, Гартин прочел ее и проворчал:

– Так вот, леди, никуда ты из города не пойдешь... но ты в этом не одинока. Покидать Гавань Менетиллов до поры, до времени не разрешено никому.

Ириди изобразила на лице легкое разочарование, но мысленно сразу же начала строить планы отбытия.

– Тогда мне до поры до времени потребуется где-то остановиться.

– У нас есть таверна, вполне подходящая для твоего рода занятий. Идем, леди, я тебя провожу.

Дрениейка склонила голову.

– Ты очень добр ко мне, Гартин Камнетолк.

Дворф понимающе улыбнулся.

– Нет... я просто долг свой выполняю. Ты, леди, останешься в городе, даже если придется за решетку тебя посадить. Приказ есть приказ: за стены никто ни ногой. Ради твоего же собственного блага.

Очевидно, все это говорилось вполне серьезно – и про ее собственное благо, и особенно насчет того, что он в случае надобности не преминет упечь ее за решетку. Поэтому Ириди обдумала ответ со всем тщанием: намерений уйти она, несмотря на предостережения дворфа, отнюдь не оставила.

– Ну что ж, раз так, значит, так тому и быть...

И в этот миг со стены, обращенной к Болотине, заревели рога.

С ловкостью и быстротой, изумившей жрицу до глубины души, Гартин выхватил из-за спины топор.

– Оставайся здесь! Мой тебе приказ!

С этими словами он побежал к стене. Ириди, помедлив всего секунду, последовала за ним.

На стене, под защитой зубцов и покато́й кровли, дворфы-караульные продолжали трубить в рога, а другие подняли повыше факелы, стараясь разглядеть происходящее внизу, в укрытых тьмой окрестностях города.

Снаружи, с невидимых окрестных земель, доносился рык и шипение, отчего нервы Ириди, обычно вполне подвластные ее настроению, натянулись, как струны.

Гартин стоял у арки ворот, где еще несколько дворфов готовились выступить в ночь. Более двух десятков бойцов приготовили оружие к бою и по сигналу, поданному одним из товарищей со стены, устремились наружу.

К несчастью, в тот же момент снаружи внутрь ринулся кто-то, намного превосходящий их в размерах.

Едва Ириди успела мельком заметить клыки и когти, дворфы мощными, мерными взмахами топоров отгеснили незваного гостя назад. Над Гаванью Менетиллов разнесся страдальческий рев. Однако рев – ревом, а один из дворфов на глазах у Ириди внезапно скрылся из виду, увлеченный кем-то во тьму, и... Таких отчаянных, полных ужаса воплей от дворфов жрица в жизни еще не слышала.

Но, несмотря на этот ужасный крик, Гартин и прочие дворфы ринулись в ночь, а за ними быстро последовали еще не меньше двух дюжин подоспевших к воротам воинов. Памятуя о непоколебимости и силе дворфов, Ириди поняла: угроза очень серьезна.

Невзирая ни на приказы Гартина, ни на опасность за пределами стен, жрица тоже устремилась вперед. На бегу она вскинула руку... и в ладони ее появился из ниоткуда посох – посох, увенчанный длинным остроконечным кристаллом, оправленным в серебро. Кристалл вспыхнул ярким синим огнем. Подкрепленный сиянием точно такого же, только размером поменьше, камня на другом конце посоха, его свет едва ли не ослеплял.

– Эй, куда? А ну, стой! – заорал кто-то из стражей, увидев ее выскальзывающей за ворота, но все впустую.

По ту сторону стены обнаружился широкий мост, ведущий к окутанным промозглым туманом землям Болотины. В дальнем конце моста виднелись смутные силуэты бойцов... и еще каких-то созданий, намного превосходивших дворфов ростом.

Ириди подняла посох и пробормотала слова, в давние-давние времена перенятые ее предшественниками от наару.

Большой из кристаллов засиял ярче прежнего. В уши ударил чудовищный рев пополам с шипением, и Ириди, наконец, разглядела, с кем быются дворфы.

С виду противники их очень напоминали рептилий, однако передвигались на задних лапах. Передние же заканчивались острыми кривыми когтями, способными легко располосовать и ткань, и плоть, и, может быть, даже латы. Шкуры их оказались красновато-бурыми в желтую полосу, а запястья и шеи украшало нечто вроде браслетов и ожерелий из перьев.

Все они, как один, подались назад: похоже, их узкие горящие глазки не вынесли столь яркого света. Дворфы, бившиеся к кристаллу спиной, немедленно воспользовались этим к собственной выгоде и ринулись на стаю рептилий, вскинув над головой топоры. Тяжелая сталь впиалась в чешуйчатые шкуры, из ран брызнула кровь, хлынули наземь внутренности. Трое из устрашающих рептилий упали. С двумя врагами защитники города разделались вмиг, третий же, извиваясь, сумел отползти назад, а дворфы, оставив его без внимания, схватились с теми, кто остался на ногах.

Но, несмотря на неожиданное вмешательство жрицы, отважным воинам приходилось несладко. Кровожадных рептилий Ириди насчитала, самое меньшее, два десятка, и смертоносные топоры не заставили их отступить. Их преимущество заключалось в величине и проворстве... проворстве, весьма изумившем дренейку. Что еще хуже, их быстрота сочеталась с

организованностью атаки, как будто они обладали разумом. На глазах жрицы одного дворфа отрезали от остальных, окружили и растерзали в клочья прежде, чем кто-либо успел прийти к нему на помощь.

«Так продолжаться не должно!»

Перехватив посох, словно оружие, Ириди бросилась вперед, вонзила его в брюхо одной из рептилий, а второй удар нанесла ногой – точно в незащищенное место под клыкастой челюстью.

Зверь рухнул на колени, и дрениейка толкнула его свободной рукой прямо на одного из соратников.

Но тут ткань плаща затрещала, разошлась под ударом когтей. Если бы не просторный покроя, те же когти разодрали бы и плечо, но, к счастью, плащ всего-навсего оказался зажат в лапе чудища. Рептилия дернула Ириди к себе. От неожиданности жрица выронила посох.

Скрипнув зубами, она потянулась онемевшими пальцами к разинутой пасти противника... но вдруг голова рептилии, отделившись от туловища, скатилась прямо в ее объятия. Тело врага дрогнуло, забилося в предсмертных судорогах, едва не отшвырнув ошеломленную жрицу в сторону, но чьи-то сильные руки удержали ее и помогли освободиться прежде, чем это произошло.

– Да ты в своем ли уме?! – прорычал Гартин. – А ну, назад, в город! Ящеры в клочья тебя разорвут!

– Я только хочу помочь!

– На ужин им угодив?

Вновь зарывчав, дворф поволол Ириди к запертым воротам.

Только яростное шипение и предупредило их об опасности, прежде чем припавший к земле, окутанный жуткой вонью хищник прыгнул на них. Могучий хвост ударил Гартина в грудь. Не устояв на ногах, дворф крикнул и чудом не рухнул в воду, текущую под мостом.

Заинтересовавшийся закованным в латы дворфом, дрениейку ящер словно бы не замечал. Видимо, он счел Гартина самым опасным и решил вначале прикончить его, а уж после разделаться с более хрупкой, вовсе не такой грозной на вид Ириди.

Но не успела рептилия сделать к Гартину хоть шаг, как жрица бросилась ей наперерез. Обостренное долгими годами прилежной учебы чутье помогло вмиг отыскать все слабые, самые уязвимые места чудовища.

Удар рукой пришелся чуть ниже глаза, парализуя нервную систему. Копыто вонзилось прямо под ребра, выбив из врага дух.

Ящер осел на землю. Оттолкнувшись копытами от поверженной твари, Ириди сделала сальто и прыгнула к Гартину.

Стоило ей помочь ему поднять голову, дворф застонал и устремил взгляд на нее.

– Ступай... внутрь, – потребовал он.

– Позволь, я тебе помогу, – откликнулась жрица, сдерживая досаду.

Оглядевшись вокруг, своего посоха она не нашла, однако увидела рядом топор Гартина и с его помощью помогла дворфу подняться на ноги.

– Дай сюда, – мрачно буркнул он.

Ириди послушно вернула ему оружие, и дворф, вскинув топор над головой, рассек побежденному ящеру горло.

На миг охваченная приступом отвращения, жрица напомнила себе, что творится вокруг. Пожалуй, иного выбора у Гартина попросту не было.

Покончив со зверем, дворф вновь повернулся к ней.

– Возвращайся в город, не то силком утащу!

Однако такой возможности у них более не имелось. Бой сместился к воротам и бушевал на мосту. Путь назад оказался отрезан. Да, очевидно, плавать ящеры не умели, иначе дав-

ным-давно проплыли бы на тот берег и бросились на защитников города с тыла, однако и дворфы – тоже. Чего бы ни хотелось Гартину, бросать его и спастись в одиночку Ириди не собиралась.

Но дворф не позволил себя игнорировать. Крякнув, он ухватил жрицу за руку.

– Сюда!

С этими словами Гартин потащил ее вправо, подальше от бьющихся. Бежал он уверенно, явно зная, куда и зачем.

– А эти рептилии? – окликнула его Ириди на бегу. – Часто такое случается?

– Ты про сегодняшнюю резню? Нет! Но что-то там припекло этих ящериц так, что они бегут со своих земель, стараясь наши занять! Клянусь, они и на корабли бы нацелились, кабы соображали, как судном править!

Жрица поостереглась бы с уверенностью утверждать, будто ящеры на это не способны, но удержала язык за зубами.

– Так, значит, они нападают на вас из страха перед какой-то другой опасностью?

Гартин только хмыкнул, однако веселья в этом междометии не было ни на медяк.

– Повезло же нам, а? Точно так, набеге их начались дня три тому назад. Сперва этак по двое, по трое, потом побольше числом, а нынче вдруг вон какой стайей явились!

– И что же? Гавань Менетилов придется сдать?

Дворф неуступчиво крякнул.

– Сдадим мы ее разве что мертвыми... Ага! Вот он!

Оба остановились перед большим валуном – разглядеть его дренейка сумела только благодаря великолепному ночному зрению. В объёме он был примерно равен дворфу, но более ничего примечательного Ириди в нем не нашла.

– Поглядывай по сторонам, – велел Гартин.

Едва она встала на стражу, дворф уперся в валун плечом и, напрягая все силы, начал отодвигать его в сторону.

Ириди продолжала следить за боем, в котором никто не мог взять верх, однако и назад, на старания спутника и туман над Болотиной, посматривать не забывала. Мысли ее неслись вскачь, и вскоре она отыскала выход, показавшийся ей наилучшим.

– Вот! – победно возвестил дворф.

Бросив взгляд вниз, жрица увидела под валуном, в земле, яму. Яма была велика и, очевидно, вырыта умелой рукой... рукой дворфа.

Для чего предназначена яма, Ириди поняла сразу же.

– Подземный ход? Ведет в город?

– Точно так: хоть в город, хоть из города – с какой стороны поглядеть! И ни один ящер в него не пролезет, даже если сумеет найти! Как только спустимся туда... вернее, как только ты туда спустишься, его можно закрыть изнутри. Полежай.

Однако решение Ириди уже приняла и легонько коснулась плеча защитника.

– Прости, Гартин.

– За ч...

Оборвав вопрос на полуслове, дворф разом обмяк и качнулся вперед. Прикосновение Ириди, нащупавшей нервный узел на его шее, на время лишило Гартина сознания. Дренейка тут же опустила бесчувственное тело в подземный ход, туда же сунула топор, и, убедившись, что с Гartiном все в порядке, внимательно осмотрела камень. Не в пример дворфу, на место она сдвинула его не столько за счет силы мускулов, сколько благодаря чувству равновесия и направления.

Покончив с этим, Ириди снова устремила взгляд на поле боя. Охваченная чувством вины за то, что бросила храбрых дворфов, она двинулась к мосту. Однако из города к бьющимся

уже спешила подмога, а со стены в ящеров полетели метко нацеленные стрелы. Ход битвы был переломлен.

Ириди возблагодарила наару за неожиданное везение. Посоха ее нигде вокруг видно не было, но волноваться об этом уже не стоило. Посох вернется к ней, когда снова потребуется.

Углубившись в топи Болотины, она принялась искать тропы, которыми ящеры шли сюда с прежних мест обитания. Сомнений не оставалось: пройдя по следу бегущих рептилий, она наверняка найдет то, что ищет.

Или искомое отыщет ее.

Сквозь ночь над землей, над морем, по небу неслись огромный крылатый зверь. Летел он с маниакальным упорством, порожденным отнюдь не только важностью взятого на себя дела. Разум его пребывал в смятении: по всему миру, во всех уголках Азерота происходило столько разного, что... В каком-то смысле, сегодняшнее поручение было для него отдыхом, хотя и добавило новых хлопот.

Затянутые тучами небеса зарокотали, грозя сильным штормом. Крылатый гигант немедленно ринулся вверх, стрелой пронзил тучи, поднялся туда, где темнеющий покров облаков озаряла луна.

Усталость уже брала свое, однако он не сдавался. Прежде, чем отдыхать, он должен достичь определенного места, и доберется туда, каких бы это ни стоило сил. Широкие перепончатые крылья заработали усерднее прежнего, одолевая милю за милей, будто миля – ничто, сущий пустяк... Впрочем, для этого дракона какая-то миля и вправду ничего особенного собою не представляла.

Внизу пробуждалась к жизни гроза, но здесь, в вышине, не было ничего, кроме луны да дракона. Последний не удостаивал первую даже взглядом, хотя лучи ее исправно освещали путь чешуйчатого исполина, не говоря уж о нем самом.

В этих лучах чешуя дракона сверкала бы почти столь же ярко, как и сама луна... если б луна была синей.

Глава пятая

Проснувшись, Кориалстраз осознал, что его сморил сон, а вот спать-то как раз и не следовало.

Вторым открытием оказалось то, что он больше не в истинном своем облике, но в образе и одежде Краса.

Оглядевшись глазами Краса, он обнаружил, что спал в неровной пещерке на склоне уединенного холма, возвышавшегося над болотными топями. Где он, сделалось ясно сразу же, но как попал сюда – начисто стерлось из памяти.

Болотина находилась совсем недалеко от его цели, но несколько в стороне от изначально выбранного пути. Дракон в облике мага доковылял до входа в пещеру, окинул взглядом небо, но как он здесь оказался, все это вспомнить не помогло.

Последним, что всплыло в памяти, оказался полет – как он, напрягая последние силы, летел к берегу, а достигнув суши, намеревался найти укромное место и устроить недолгий привал.

Что произошло после, Крас себе даже не представлял... а такое случалось с ним очень и очень редко. Подобные провалы в памяти – особенно в сложившихся обстоятельствах – ему вовсе не нравились, тем более, что Крас, вдобавок, понятия не имел, долго ли проспал. Сон дракона может продлиться и минуту, и час, и день, и неделю, в зависимости от обстоятельств.

«Путешествие оказалось хлопотным с самого начала. Случайностью это быть не может», – подумал он, окинув окрестности раздраженным взглядом, будто это они были виноваты в его забывчивости.

Собравшись с мыслями, Крас смирил раздражение. Если у этой неестественной дремы есть причина, он о ней явно скоро узнает. Главное же – он совсем рядом с нужным местом.

Совсем рядом с Грим Батолом.

Крас начал было преобразование в Кориалстраза... но тут же заколебался. Не заметить дракона трудновато даже слепому. Оставшись как есть, подобраться к жуткой горе тайком будет намного проще. На самом деле, таков, вероятнее всего, и был его замысел, когда он покидал тайное убежище, да только нежданный неодолимый сон заставил на время все позабыть. Возможно, из этих соображений он и принял другой, неприметный облик...

– Что ж, так тому и быть.

Крас оглядел склон холма, отыскивая путь вниз. Если уж он надеется остаться незамеченным теми, кто ждет появления магических созданий вроде него, использовать способности надлежит с умом, ровно настолько, чтоб скрыть свое появление. Вдобавок, и принятый облик особому напряжению сил тоже не благоприятствовал.

Обтянутые перчатками пальцы покрепче впились в край скального выступа, и Крас осторожно соскользнул вниз, в Болотину. Смена климата сделалась очевидна почти в тот же миг: внизу оказалось намного более душно и сыро. По счастью Крас, хоть с виду и напоминал эльфа (правда, на удивление бледнокожего), сохранял присущую красным драконам привычку к жару даже в этом обличье. Жара Болотины несколько ему не мешала: в уютных пещерах родного рода было куда как жарче, а местами и куда мокрее.

Едва ступив на мягкую, влажную землю, Крас тут же заметил, что обитатели болот как-то странно притихли. Обычно подобные края кишат зверьем и насекомыми, отнюдь не стесняющимися подать голос. Да, сейчас он тоже слышал и тех и других, но оживления ждал много большего. Казалось, болотная живность опасается какой-то близкой опасности...

Нечто в том же роде почувствовал и сам Крас. Но нет, никто не поднял над водой жуткую морду, никто не ударил по нему злым колдовством, и дракон-маг двинулся в глубину болотных земель, направляясь к тропе, ведущей напрямиком к Грим Батолу.

Вокруг все цвело, зеленело, однако, отодвигая с дороги плети лиан, Крас заметил в местной растительности кое-что необычное. От нее явственно веяло чем-то недобрым. С виду она выглядела вполне обычной, но внутри явственно чувствовалась порча. Очевидно, Болотина постепенно менялась к худшему.

«Зараза проклятой горы расползается... так дальше продолжаться не может».

Раздвигая перед собою лианы и ветви, Крас мрачнел, злился сильнее и сильнее, и прежде всего – на себя самого. Как мог он забыть об этих объятых тьмой землях, освободив из неволи возлюбленную королеву, избавив здешние горы от орков и покончив с треклятой Душой Демона? Ему еще тогда следовало лично сойти в глубину Грим Батола и уничтожить весь мрак, оставшийся внутри, до конца! И даже когда эти земли взял под стражу его собственный род, включая кое-кого из его потомства, Крас ради этого пальцем не шевельнул. Новые беды, новые опасности – раз за разом его отвлекало от этой задачи что-то еще.

Однако задним умом всякий крепок, а он, Крас, от совершенства далек. Это, конечно, служить оправданием не могло... но чувство вины слегка поутихло.

Сапоги громко – пожалуй, слишком уж громко – чавкали на каждом шагу, но заглушить шум Крас не пытался. Для этого снова потребовалось бы прибегнуть к магии, а он все еще надеялся подобраться к тем, кто прячется в Грим Батоле, незамеченным, хотя эта идея все больше и больше походила на пустые мечты.

Первое время над головой вились мелкие насекомые, но вскоре они разлетелись. Большая часть созданий, питавшихся кровью, чужа: его кровь придется им не по вкусу.

Но кое-кто другой явно полагал, что из Краса выйдет превосходный обед. Дракон чувствовал его неподалеку, но где именно, не выдав себя тем, кто скрывался в недрах далекой горы, нащупать не мог. Пришлось идти дальше с оглядкой: как ни могуч он был в этом облике, неуязвимым его не назовешь.

Однако он шел вперед и вперед, а никто на него не нападал. Наконец, достигнув самого сердца Болотины, путник в фиолетовых одеяниях решил, что настал час рискнуть – отправить сознание в окрестности Грим Батола.

Отыскав клочок земли в стороне от зелени топей, Крас устроился под обросшим мхом деревом и сосредоточился. Его поле зрения немедленно раздалось вширь – во все стороны разом. Человеческий разум не совладал бы с обзором подобной ширины ни за что, но разум дракона был много более развит, много более сложен.

Но интересовало Краса лишь одно направление. Собравшись с мыслями, дракон в облике мага сосредоточился на горной вершине и увидел все лежавшее впереди так, словно прошел эти земли собственными ногами. Грим Батол оказался ближе, чем он себе представлял, однако идти еще предстояло порядочно.

Это, однако, его не тревожило. Не задерживаясь здесь, Крас подтолкнул разум дальше, к пустошам, что примыкали к Грим Батолу вплотную. Тревога усилилась тысячекратно. Мрак, порча вокруг и внутри горы просто криком кричали, маня разузнать их секреты.

Прищурившись, Крас устремился сознанием в сам Грим Батол.

Вначале его окружила непроглядная тьма, но, стоило углубиться в подземелья, вокруг мало-помалу сделалось светлее. На первый взгляд, внутри ничего обнадеживающего не нашлось – одни сталактиты да сталагмиты. Кое-где на полу белели кости, орочьи, явно лежавшие здесь со времен той памятной битвы, освободившей Грим Батол от зеленокожих воинов.

Однако зло, исходившее изнутри, было слишком сильно, чтоб оставить его без внимания. Крас сосредоточился... и изумленно поднял брови. К нему кто-то приближался. Почувствовав это, он поспешил отступить, но обнаружил, что его разум покинуть Грим Батол не может.

Крас вновь попытался уйти, но тщетно. Казалось, путь в самом деле преграждают многие тонны земли да камня, а он пробивается сквозь них голыми руками. Видеть он мог только

пещеру со скелетами орков и угольно-черную тьму на месте склона горы, сквозь который стремился выйти наружу.

И, что еще хуже, из-за нее он не мог разглядеть, что творится вокруг его брэнного тела.

Крас снова попробовал убраться прочь, однако опять ничего не добился. Уверенность в том, что устроивший западню вот-вот нанесет удар, крепла с каждой секундой, но нет, ничего нового не происходило.

Очевидно, ловушка была расставлена давным-давно, а после забыта... однако с освобождением следовало поспешить. Сосредоточившись на собственном теле, каким в последний раз видел его, Крас представил себе, что и разум вновь там, на болотах.

Увы, это тоже не помогло. Поразмыслив, дракон в облике мага принялся за поиски структуры удерживавших его чар. Долго искать не пришлось, но ее сложность здорово обескураживала. Здесь явно поработал очень умелый маг. Судя по ее древности, возможно... возможно, даже сам Смертокрыл.

Однако Крас знал: главное – нащупать ее сосредоточение, иначе чар не развеять, если на это вообще есть надежда.

Сознание Краса устремилось в глубину чародейских уз, изучая их устройство. Если над ними впрямь поработал Смертокрыл, то это, как ни смешно, вполне может оказаться ему на руку. Если кто-либо из ныне живущих и понимал ход извращенных мыслей черного исполина, то только он, старейший супруг Алекстразы. За тысячи лет Смертокрыл сыграл немалую роль во множестве злодейских заговоров, и Крас долгое время держал бывшего Аспекта под особым присмотром.

Обследуя нити заклятия одну за другой, дракон в облике мага мало-помалу нащупал общую закономерность, но ее сложность превзошла все его ожидания.

Одна из линий казалась более многообещающей, чем остальные. Крас принялся за поиски ее начала, но...

Но тут тот, кого он почуял раньше, придвинулся ближе. Ошибки быть не могло: враг двигался в сторону Краса. Внезапно его обдало волной сильнейшего голода, только изголодавшийся алкал не плоти, а кое-чего, для Краса куда более важного.

Тот, кто приближался к нему, алкал его магии...

Крас попытался ускорить поиски. Он был драконом, созданием, коему магия свойственна от рождения. Лишиться магической силы... это для него стало бы хуже вонзенного в горло меча. Ему доводилось видеть собратьев, которых постигла такая судьба, и подобная смерть страшила его сильнее всего на свете.

Подземная тварь стремилась туда, где пребывал его разум. Да, тела Краса там не было, но это дракона в облике мага нимало не обнадеживало. Чтобы изловить жертву, некоторым из пожирателей магии требовалась всего лишь незримая нить, связующий ток магической силы.

Тем временем ловушка усилиям Краса по-прежнему не поддавалась. Нашупанная было нить заканчивалась тупиком. Вторая обследованная – тоже.

Таинственный пожиратель магии находился уже совсем рядом. Почувствовав его жуткую близость, Крас понял: когда ему, наконец-то, удастся увидеть нападающего при помощи собственных чар, будет поздно. Но, что бы он ни делал, освободиться не...

«Ну и дурак же я!»

Да, путь к спасению имелся, хотя и весьма рискованный. Путь этот мог спасти Краса от медленной мучительной смерти в лапах пожирателя магии... но мог и обернуться самоубийством.

Однако иного выбора не было, и Крас углубился мыслью в себя самого. Для большинства чародеев его замысел оказался бы невыполнимым, но Крас учился искусству магии многие, многие тысячи лет.

Вот только получится ли...

Крас вслушался в стук собственного сердца. Это сердце билось во времена юности расы драконов, пережило взлет и трагическое падение ночных эльфов, не одно, но два нашествия демонов Пылающего Легиона, видело, как рвутся на части целые земли...

И вот сейчас, сосредоточившись, Крас пытался замедлить его биение... да не просто замедлить – остановить.

Казалось, сердце бьется где-то далеко-далеко, однако Крас его хоть как-то да чувствовал, и это внушало некоторую надежду.

Биение утихло – слегка, самую малость, но это позволяло надеяться на успех.

В подземелье со скелетами орков замерцало зловещее зарево.

Крас сосредоточил на собственном сердце всю свою мощь. Надежда была на то, что сильное потрясение вырвет его разум из магической западни. Подобное он уже видел и даже пробовал, но опыты – не то же самое, что истинная нужда.

Среди сталагмитов замаячил огромный неясный силуэт. В распоряжении Краса оставались считанные секунды, и вдруг...

Вот оно, желанное потрясение! Вызванное отнюдь не его стараниями, оно, однако же, выдернуло разум дракона в облике мага из недр Грим Батола в тот самый миг, когда пожиратель магии потянулся к нему.

Вырвавшись на свободу, Крас обнаружил, что улизнул от одной ненасытной твари прямо в зубы другой.

Вцепившийся в ногу мага кроколиск увлеченно волок его назад, в воды болота, а потрясение, помогшее сознанию Краса вернуться в тело, было вызвано длинными острыми зубами чешуйчатого зверя, глубоко впившимися в плоть. Из растерзанной ноги ручьем текла кровь – кровь, что не лишила бы аппетита лишь обладателя луженого, точно броня паладина, желудка, наподобие кроколиска.

Иронию ситуации – ведь он, после всего, что сумел превозмочь, вполне мог погибнуть в зубах столь примитивного хищника, как шестиногий обитатель болот – Крас вполне оценил. Совладав с болью, дракон в облике мага что было сил ударил кроколиска в жесткое рыло.

Болотную тварь окутала синяя аура. Разинув могучую пасть, кроколиск заревел и выпустил ногу Краса. Аура замерцала ярче, и хищник забился на месте, извиваясь всем телом.

Еле переводя дух, раненый чародей отполз назад, к дереву, и пригляделся к бьющемуся созданию. Зверь оказался тем самым, сумевшим укрыться от него несколько раньше. Крас едва чувствовал его даже сейчас. Некая сила сообщила кроколиску способность прятаться даже от самых могущественных магов.

Однако от чар, выпущенных на волю Красом, эта сила спасти его не могла. С мрачным удовлетворением дракон в облике мага наблюдал, как кроколиск пытается избавиться от ауры, улизнув в воду, однако рептилия чем дальше, тем больше утрачивала целостность, распадалась на каждом шагу. Шкура ее поползла книзу, обернулась туманом еще до того, как коснулась земли. Три пары лап, подогнувшись, рассыпались в прах. Еще один отчаянный рев – и кроколиск исчез, рассеялся без остатка.

На пути кроколиска остались лишь несколько капель крови – и то не его, а Краса.

Крас оглядел поврежденную ногу. Для человека, или же представителя любой другой смертной расы подобная рана означала бы верную гибель от потери либо от заражения крови. Боль даже Красу казалась ужасной, однако нападение хищника спасло его от куда более жуткой, куда более верной смерти, и он едва не проникся благодарностью к ненасытному зверю.

Раскрыв над разодранной плотью ладонь, Крас сосредоточился. С руки его в кровавую рану заструился неяркий малиново-алый свет.

Кровотечение унялось. Боль поутихла. Оставленные зубами кроколиска ранки вмиг затянулись, а следом за ними начали смыкаться с обоих концов и края самой серьезной раны.

Нет, Крас не просто залечивал рану снаружи. По слухам, в природе недавно обнаружались ядовитые кроколиски. Откуда они могли взяться, Крас знать не знал, но и рисковать не хотел. Кто-кто, а он прекрасно сознавал опасность заразы, которая может гнездиться в смрадной пасти рептилии, а в принятом облике был к ней намного чувствительнее. Подобные яды в считанные минуты прикончат быка – что говорить о человеке! Способны ли они погубить и его самого, проверять на опыте Красу ничуть не хотелось.

Поэтому, залечив раны снаружи, он выжег заразу изнутри. Сил это отняло куда больше, чем ожидалось. Крас весь покрылся пбтом, однако, благодаря своей истинной сущности, восторжествовал.

После этого от раны не осталось даже следа. Осмотрев ногу, Крас счел ее в полном порядке. В последний момент вспомнив кое о чем еще, он провел ладонью над разорванным одеянием, и ткань снова сделалась целой, как новенькая.

Происшествие это послужило ему неплохим уроком. Ничто вокруг не стоило недооценивать. Вначале он, лишившись чувств, очнулся вдали от последнего места, которое помнил. Затем его разум, проникший в Грим Батол, оказался в ловушке. Теперь он едва не был сожран неразумным зверем... отчасти потому, что тот научился скрываться от ему подобных.

Все эти пункты, сложенные воедино, встревожили Краса сверх всякой меры – тем более, что дракон в облике мага еще не выяснил их первопричин.

Однако он был твердо уверен кое в чем другом. Похоже, его появления ждали.

«Так, значит... кто-то здесь ждет меня... или кого-то вроде меня. И этот кто-то затеял со мной игру».

Но кто это такой?

– А вот поживем и увидим, – пробормотал Крас себе под нос.

Если неведомому противнику вздумалось поиграть, то он в таких играх тоже не новичок. Пусть им известно о его приближении: вскоре они поймут, что эта осведомленность – скорее помеха, чем подспорье.

Крас плотоядно улыбнулся.

– Ну что ж, друг мой, моя очередь...

С этими словами он взмахнул рукой... и исчез.

Из новой норы дворфы выбрались на поверхность ходом, ведущим к Болотине. Идти в эти места им ничуть не хотелось, однако нужда снова заставила. Им требовалось пополнить съестные припасы, а особенно – запасы воды.

– Ящеров не видать, – негромко доложила Гренда. – Да и вообще почти никого.

Ром тоже окинул болота пристальным взглядом.

– Давайте не мешкать. Вы, – указал он на четверых дворфов с небольшими бочонками, – пойдете с Бьярлом и его бойцами по воду, к тому, проверенному ручью. Гренда, ты и остальные идете со мной. Даже если придется жрать ящера или кроколиска, то хоть со свежим мясом назад воротимся.

Как дворфы ни выносили, мысли о поедании любого из этих хищников не вдохновили ни одного из них. Мясо обоих упомянутых созданий было на редкость жилистым и тухлятиной отдавало так, точно добрых три дня пролежало в тепле. Однако выбор у них был небогат – особенно в последнее время. Чудо, что хоть эти твари в окрестностях еще водятся: вся мелкая дичь давным-давно разбежалась, подобно дворфам почуяв исходящее от Грим Батола зло.

«Но все-таки к истине мы уже ближе, – невольно подумалось Рому. – Эльф крови, дракониды, скардины, и эта дамочка в черном. Мы знаем, что они здесь. Только пока не узнали, что они затевают...»

Внезапно он хрипло захохотал, заставив Гренду вздрогнуть от неожиданности, но тут же совладал с собой и затих. Дворфы всего-навсего еще не узнали, что делает здесь эльф крови

и все остальные. Сушная мелочь, пустяк... от которого зависит успех их задания, а, вероятнее всего, и сами жизни.

Тут Ром вспомнил об утраченной руке. Запястье, хоть и прижатое, болезненно ныло, но, будучи дворфом, с болью он справился быстро. Однако все это снова напомнило, как ему, воину-ветерану, пусть даже он всегда был тем, на кого король Магни мог положиться в самых опасных делах, не хотелось сюда отправляться. Естественно, королю Ром об этой неохоте не доложил, однако...

«Дурень ты, Ром, как есть дурень! Нет бы другому кому командование уступить, а не тащиться обратно в эти мрачные земли... навстречу их ненасытному, злобному нраву...»

С этими мыслями Ром повел Гренду и прочих охотников в Болотину, пряча под маской невозмутимости горечь в сердце. Смерти товарищей – и не только тех, кто погиб в этом деле, но и других, павших многие годы назад в битве с орками – терзали душу, как никогда. Перед глазами мелькали их лица, их окровавленные тела...

Казалось, призраки наперебой зовут его к себе.

Встряхнувшись, Ром понял, что его и вправду окликнули. Гренда. Что-то заметила.

– Видела только движение, но, по-моему, там кроколист, – прошептала она.

– Где?

– Вон там. Там, на глубине.

Гренда указала вправо, в сторону мертвого дерева вдалеке. Ветви его давно сгнили, ствол переломился надвое.

– Обойдем это место кругом. Всем смотреть под ноги.

Таким образом отряд потерял бедолагу Самма: вот юный дворф с опаской ступает на мягкую, податливую почву... а в следующий миг его поглощает трясина.

Тела его отыскать так и не удалось.

Гренда повела половину охотников к западу, а Ром с оставшимися тремя двинулся на север. Сам он добычи не видел, но прекрасно знал, как ловко прячутся кроколисты в воде, а еще вполне доверял зоркости Гренды. По меркам дворфов, проводящих большую часть жизни под землей, взгляд ее был исключительно остр.

Двигались коренастые, неуклюжие с виду дворфы так неприметно, так тихо, что большинство прочих рас сочли бы подобное невозможным. Гренда со спутниками шла по самой кромке воды, а Рому пришлось вести своих прямо в воду.

Сквозь болотную муть даже у самой поверхности ничего было не разглядеть, но Ром помнил и о пресловутых пузырьках, и о легкой ряби, выдающей движение кроколиста. К несчастью, в то же самое время рептилия наверняка сосредоточенно высматривала их самих.

Ром оглянулся на Гренду, и та указала топором в болото недалеко от одного из дворфов ее отряда. Она что-то заметила, и Ром подал своим знак замереть.

В следующий же миг кроколист вынырнул из воды в каком-то ярде от Гренды, но не затем, чтоб напасть – скорее, чтобы удрать от нее и остальных. Однако двое ее охотников живо обошли зверя с тыла, преграждая ему путь к бегству. Один взмахнул топором, и лезвие глубоко впилося кроколисту в переднюю лапу.

Раненый зверь развернулся к обидчику, щелкнул зубами, но Гренда тут же ударила его сзади, перерубив хребет, и кроколист забился в предсмертных судорогах.

Ром удовлетворенно кивнул. Зверь был все равно, что мертв. Охота закончилась на удивление быстро, и он радовался этому всей душой. Чем скорее его отряд вернется под землю, тем лучше.

И тут его внимание привлекло какое-то хлопанье слева. Что ж, хорошо. Двумя кроколистами, уж каковы бы они ни были на вкус, усталые бойцы прокормятся куда лучше.

Но, обернувшись на звук, Ром увидел перед собой вовсе не одного из болотных хищников. К дворфам само собой двигалось нечто ужасающе мерзкое, колышущееся, точно желе, наштипованное изнутри разными предметами... чаще всего костями.

– Берегись! – заорал Ром. – Слизнюк!

Один из молодых дворфов, шедших за ним, поднял топор и без оглядки бросился на жуткую тварь, прежде чем предводитель успел его удержать. Топор канул вниз, не встретив на пути никакого сопротивления, увлекаемый им, дворф ничком рухнул в желеобразную массу, и...

Кошмарная тварь немедленно всосала, поглотила охотника целиком.

Вскрикнув от ужаса, Ром поудобнее перехватил уцелевшей рукой топор и бросился на врага. Жуткие воспоминания о столкновениях с подобными тварями в Пылевых топях подсказывали: надеешься спасти товарища – мешкать нельзя.

Умелый удар рассек бок чудовища... но след, оставленный лезвием топора, сразу же и исчез. Ром проклял собственную глупость: ясное ведь дело, топор слизнюка не возьмет!

Дворф внутри желеобразного тела скорчился и больше не шевелился. Гренда и ее отряд еще не управились с кроколиском, а стало быть, полагаться следовало лишь на себя и двоих уцелевших охотников. Едва остальные присоединились к нему, Ром обогнул слизнюка, заходя к нему сзади. Может быть, если воткнуть в тушу твари рукоять топора, пленный ухватится за нее, и тогда его удастся выдернуть на волю?

– Борода Торвальда! – ахнул Ром, в ужасе шарахнувшись прочь от рыхлого чудовища.

Лицо плененного дворфа оказалось объедено начисто.

Из-под густых волос на Рома тарацились пустые глазницы. Волосы тоже начали растворяться, редели прямо на глазах. Этого Ром и боялся, но, судя по опыту прежних столкновений со слизнюками, полагал, что времени у него больше.

– Назад! – скомандовал Ром, опасаясь потерять еще кого-нибудь из своих.

– Берегись! – крикнул один из воинов.

Ром поспешил обернуться.

Будь его ладонь на месте, он, без сомнений, расстался бы с ней сейчас. Обгорелый обрубок погрузился в дрожащее тело второй желеобразной твари. Запястье сразу же обожгло, как огнем.

Вскрикнув, он поспешил отдернуть руку, однако колышущийся, сочащийся слизью монстр добычи не отпускал. Неужели ему суждена та же смерть, что и товарищу?

Вдруг над болотом мелькнул ослепительный росчерк пламени. Вылетевшая из гущи ветвей наверху огненная стрела вонзилась в тушу чудовища, мертвой хваткой державшего Рома. Дворф ожидал, что в желеподобном теле огонь тут же погаснет, но нет, слизнюк вмиг окутался жарким пламенем.

Почуввав запах нефти, Ром понял, что у лучника на уме, и в то же время сообразил: другого шанса не будет. Собрав все силы, он вновь потянул... и на сей раз изувеченная рука подалась.

В бок корчащегося чудовища вонзилась еще одна огненная стрела. Болотная тварь окончательно отпустила Рома, и тот, не устояв, рухнул на спину.

Второй слизнюк устремился к воде, но в его спину, одна за другой, впились еще две стрелы. Снова охваченный пламенем, слизнюк задрожал, затрясся, будто вот-вот взорвется.

Подобрав оброненный топор, Ром отступил к товарищам.

– Ты в порядке? – спросила подбежавшая к нему Гренда.

– Насколько можно ожидать, – отвечал он, с радостью глядя на пылающих слизнюков.

Второе чудовище, пораженное огненными стрелами, превратилось в жалкую кучку пепла... и горящих дворфских костей.

– Будь прокляты эти слизнюки!

Нечасто проявлявшая страх, Гренда содрогнулась всем телом.

– Бедняга Харак мне в кошмарных снах будет сниться. Останков для похорон никак не спасти?

Дворфы из клана Бронзобородов предпочитали хоронить умерших, возвращая их земле, источнику всех благ, всех богатств расы. Для мертвого погребение считалось честью, а для земли – воздаянием.

Но тут уж погибшему ничем было не помочь: огонь, питаемый заодно желеобразной плотью слизнюка, наверняка и кости обратит в пепел.

– Будем считать это погребальным костром, – ответил Ром, пытаясь и в горе отыскать что-нибудь светлое.

С этим он огляделся, прикидывая, откуда могли быть пущены стрелы.

Нечто, примеченное уголком глаза, заставило его обернуться. Гренда вмиг напряжинулась, очевидно, решив, что к ним подбирается новое чудовище.

Однако кого бы Ром ни заметил, тот успел скрыться, и командир дворфов с досадой выругался.

– Что там? Что там такое?

– Не разглядел.

Смутный силуэт, и ничего более... Ром даже не смог понять, какого он роста. Точно знал лишь одно: для дворфа незнакомец слишком проворен.

Интересно, кто в этих гнусных краях мог протянуть руку помощи изможденным дворфам?

И, что еще интереснее, как это скажется на его задании?

Глава шестая

– Он рядом.

Зендарин оторвал взгляд от ямы, в глубину коей взирал уже добрый час, не впервые дивясь творению своих рук... и рук дамы в черном.

– Кто?

Дама с вуалью шагнула к нему, тоже, словно замороженная, устремила взгляд вниз, и, наконец, удостоила эльфа крови ответом.

– Тот, кого я ждала. Устроенные мною для него испытания это вполне подтверждают. Любой другой бы уже погиб или повернул назад. Только ему и хватает упорства не отступить.

– Если он идет к нам, то не столько упорен, сколько глуп.

Стоявшая рядом склонила голову набок.

– Так и есть... но для нас он от этого не менее опасен.

Тут Зендарин начал кое-что понимать.

– Я чувствовал...

– Да, он едва не угодил в пасть одной из твоих зверушек. А ведь это могло бы оказаться весьма интересным, как ты полагаешь?

Не зная, кто именно стремится подобраться тайком к Грим Батолу, эльф крови молча кивнул. Его куда больше интересовало, что все это может значить.

– Рискнем ли мы начать снова? Времени хватит?

Дама улыбнулась. Эта улыбка неизменно ввергала его в неудержимую дрожь.

– Пока что мы обойдемся и одним малышом, мой дорогой Зендарин. В случае надобности его будет вполне довольно.

Будто в ответ ей, из ямы донеслось алчное шипение.

Дама в черном цыкнула, склонившись над ямой, и тварь внизу, в темноте, тут же утихла.

– Бедняжку нужно покормить. Не будешь ли ты, Зендарин, любезен этим заняться?

Эльф крови пожал плечами. Тревожило его лишь одно-единственное соображение.

– Так мы, чего доброго, погубим дракона пустоты. Эта тварь на редкость прожорлива.

– Еще немного, и наш драгоценный получит новый источник пищи... если, конечно, тот, кто жаждет добраться до нас, действительно так умен, как сам думает. Ну, а пока – делать нечего, придется нам рисковать драконом пустоты. Ничто не должно замедлять процесс роста.

Эльф крови склонился перед ней в глубоком поклоне.

– Как будет угодно моей госпоже.

С этими словами он отправился распорядиться насчет кормления, а женщина с вуалью, проводив его взглядом, снова склонилась над темной ямой.

Внизу что-то вспыхнуло ярким жутковатым пурпуром и снова слилось с темнотой.

– Терпение, дитя мое, – проворковала чародейка. – Терпение. Вот покормят тебя, покормят, и вырастешь ты большой-большой...

Лицо ее окаменело.

– Каким и хотел бы видеть тебя твой проклятый папаша.

Вновь появившись в Болотине, Крас принял истинный облик, облик Кориалстраза. Мало этого, появился дракон с наступлением сумерек, дабы сполна использовать в своих целях все возможности ночи.

«Пора, – решил Кориалстраз. – Давай-ка посмотрим, каков будет твой следующий ход», – подумал он, обращаясь к незримому и неведомому сопернику. Окажись это Смертокрыл, замысел красного дракона покажется черному вполне разумным. Если же это кто-то еще, они наверняка будут рассуждать точно так же... а все остальное уже несущественно.

С этими мыслями Кориалстраз расправил широкие крылья.

Передняя часть огромного красного дракона отслоилась от тела, точно луковая шелуха. Рядом с первым Кориалстразом появился второй.

Но на этом заклинание не завершилось. Оба выдохнули, и от каждого отслоилось еще по одному двойнику... а за ними – еще по одному. Не прошло и минуты, как восемь Кориалстразов заполнили собой все вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.